П 29
34

11

ПИОНЕР

ОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1930

АПРЕЛЬ

№ 11

Адрес редакции:
Москва, Центр, Новая пл., 6.
Условия подписки:

36 номеров без приложений: на год—8 р., 6 м.—1 р. 60 к., 3 м. — 85 коп., 1 м. —30 коп.

36 номеров с приложением 12 сборников „Вторая Ступень": на год — 8 р. 25 к., 6 м.—4 р. 35 к., 3 м.—2 р. 30 к.

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПИОНЕР

БОЕВОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

НА СЛЕТ!

В городе Галле тысяч сорок детей школьного возраста. По утрам, когда люди расходятся на работу, примерно на каждые пять взрослых приходится один школьник, который с ранцем за плечами или с сумкой в руках торопится в школу.

В июле это соотношение резко изменится. На 20 тыс. увеличится детское население Галле. В Галле состоится международный слет пролетарских ребят.

Детский слет по-немецки будет Kindertreffen. Но русское слово „слет" со времен прошлогоднего слета вошло в обращение и за границей. О slot'е пишут газеты и журналы немецких товарищей.

Пять тысяч из двадцати составят ребята, съехавшиеся из других стран — Чехо-Словакии, Франции, Англии. Но в состав пролетарских ребят Германии входят не одни только пионеры.

Пионеры Германии поставили себе задачей собрать на слет в городе Галле 15 000 пролетарских ребят.

Из них: 4000 — из детских спортивных организаций; 1000 — из вражеских рядов: красных соколов, следопытов, христианских организаций и др.; 1000 — детей безработных; 1000 — ребят, работающих на производстве.

Привлечь этих ребят в свои ряды юные спартаковцы Германии могут только энергичной борьбой за интересы пролетарских ребят, близкие и понятные всей рабочей детворе.

Работу и повышение зарплаты нашим отцам!

Хлеб — ребятам!

Вот их лозунги.

Ближайшие три месяца будут экзаменом для юных спартаковцев Германии.

Собрание московских уполномоченных по „Пионеру".

РАСПРОСТРАНЯЙТЕ „ПИОНЕР"

Работа с распространением журнала идет ничего. Сейчас я завербовал около 15 подписчиков.

С нового года в среднем звене устроил проработку журнала.

Много раз читал его товарищам. Всем он нравился, но мало заметок деткоров.

С пионерприветом ваш деткор **П. Трояновский.**
С. Ельшанка, Сар. района, Аткарского окр., Н.-Волжского края.

СЕГОДНЯ В „ПИОНЕРЕ"

Господин заведующий, *А. ИРКУТОВ.*— ***Записи в дневнике.*** — ***Где быть пионер-отряду.*** — ***Три прыжка,*** *Л. МИНОВ и К. БОБРОВ.*— ***Почтовый ящик путешественников.*** — ***Самоеды,*** *В. БЕЛЯЕВ.* — ***Зимний рейс,*** *Я. КАЛЬНИЦКИЙ.*— ***Пионеры под защитой.*** — ***Золотое детство,*** *Н. АНИЗАХ.* — ***Фабрика на столе.*** — ***Письмо и ответ.*** — ***Угадай.***

Г.П.Б-ка обяз. экз.
Лигр. 1930 г.
Акт № 4-574

Господин заведующий

Отрывок из повести о забастовке вединских школьников А. ИРКУТОВА

Рисунок Г. ЭНДРИКСОН

НА СЛЕДУЮЩЕЕ утро заведующий явился в школу раньше обыкновенного. События вчерашнего вечера, как туманные картины на полотне, сменяя друг друга, возникали в его памяти. Он видел шумное собрание, женщину, бросавшую ему в лицо страшное обвинение, старика Шульца, уговаривавшего остальных:

— Товарищи! Не делайте глупостей! Не делайте глупостей!

Он вспомнил чей-то голос, прозвучавший обиднее десятка пощечин:

„Пусть убирается отсюда! Пусть убирается отсюда вон!“

Он вспомнил, как собравшиеся расступились, пропуская его, и как, пока он шел по проходу, показавшемуся ему томительно длинным, они сторонились его, словно боясь запачкаться.

От сторожа он узнал, что собрание продолжалось и после его ухода. Они оставались в школе еще целый час. О чем они говорили в течение этого часа и что они решили делать?

На всякий случай он принял меры. В полицейском управлении ему обещали прислать шуцманов по первому требованию.

Учителя приходили, как всегда, аккуратно. Заведующий подождал, пока соберутся все, и предупредил их:

— Я думаю, вы можете расходиться по домам, господа. Сегодня занятий не будет.

Учитель истории спросил, не скрывая удивления:

— Разве вы хотите распустить детей?

Заведующий пожал плечами.

— Их нечего распускать. Они не явятся сегодня.

Учитель гимнастики улыбнулся:

— Господин заведующий принимает все это слишком всерьез. Ровно ничего не случилось: дети на местах. Когда я проходил по коридору, классы были полны.

Заведующий растерялся. Очевидно, после его ухода собрание изменило свое решение. Почему? Может быть взрослые сумели повлиять на пионеров и заставили их отказаться от нелепой затеи? А может быть... Может быть, они придумали что нибудь другое?

— Дети в классах? — спросил он учителя гимнастики. — А что они там делают?

— Право, ничего, сидят смирно и, по-моему, шалят меньше обычного.

Колокольчик сторожа прозвенел в коридоре. Учителя торопливо раскрывали портфели, развязывали кипы тетрадей и просматривали классные журналы. Заведующий помедлил несколько секунд, посмотрел на висевшее на стене расписание и решил итти в свой класс. А может быть опасность миновала?

Из учительской он вышел последним. Сквозь стекла дверей он видел, что в классах уже начались уроки. Дети спокойно сидели за партами, учителя перелистывали страницы учебников. Пожалуй, все обойдется. И хотя рука его дрожала, когда он поворачивал дверную ручку, голос звучал спокойно и уверенно, как всегда.

— Здравствуйте, дети!

Вот как! Это больше того, на что он мог рассчитывать. Они даже встают, отвечая на его приветствие. А впрочем, нет. Они встают молча, без обычного — „доброе утро, господин заведующий“. Они встают для того, чтобы больше не садиться. Один за другим, проходя мимо учительского стола, напряженно, как солдаты на параде, они покидают класс. Заведующий остается один, смотрит на пустые парты, закрывает журнал и тоже уходит. К его удивлению, во всех классах идут занятия. Он видит, как учительница открывает журнал и называет чью-то фамилию. Он видит, как вызванный встает, стоит молча и заставляет учительницу повторить вопрос. Он видит, как учительница называет второго и как

второй тоже отказывается отвечать. Заведующий спешит на помощь учительнице, входит в класс, и, не здороваясь с ребятами, проходит к учительскому столу. Он слышит грохот отодвигаемых парт: ученики встают и уходят. Как только заведующий выходит в коридор, они возвращаются обратно и, как ни в чем не бывало, рассаживаются по местам. Старанья учительницы вести урок бесплодны. Никто из учеников не отвечает на ее вопросы. Она пробует начать диктовку, но оказывается, что у ребят нет ни тетрадей, ни перьев. Ничего не выходит с чтением, потому что никто не захватил с собой книг.

На перемене учителя, собравшись в учительской, обсуждают положение. Учитель гимнастики, горячась, предлагает всем поставить по единице и исключить из школы всех.

— Чего они хотят?— спрашивает учительница математики

Историк теребит бороду:

— Собственно говоря, они хотят немногого. Они хотят, чтобы господин заведующий ушел.

Заведующий злится:

— Вы говорите это так, как-будто думаете, что мне следует уйти.

Историк издевается.

„Красный городской школьник"—заголовок одной из берлинских школьных газет.

— История,— говорит он,— знает много примеров, когда герои приносили себя в жертву общим интересам. Надо восстановить порядок.

Заведующий фыркает:

— Восстановить порядок? Хорошо: я уйду. Вы думаете, что порядок будет восстановлен? Сегодня они требуют моего удаления, завтра потребуют, чтобы убрали вас. Кстати, я слышал, что пионеры не одобряют вашей системы преподавания истории. Надо быть слепым, чтобы не видеть, что дело не во мне. За плечами детей стоят взрослые.

Давно уже прозвенел звонок, и ребята, в этот день более аккуратные, чем обычно, заняли свои места. Однако учителя не появлялись. Наконец по коридорам разнесся голос сторожа:

— В зал! Все в зал!

Пошли в зал. Быстрой и нервной походкой вошел учитель гимнастики.

— Господин заведующий просил меня сообщить вам, что сегодня занятий не будет. Завтра все должны явиться в школу, как всегда. Против тех, кто будет упорствовать и попробует повторить сегодняшнюю историю, мы примем меры.

Он вышел так же быстро, как вошел, и за ним в мертвой тишине покинули зал школьники.

Песни, которые внезапно вспыхнули в разных концах улицы, не понравились шуцману. Он метнулся в одну сторону, потом в другую, но ребят было слишком много и они были слишком увертливы. Улица перед школой опустела в какихнибудь две-три минуты. Мотив, похожий на мотив „Интернационала", звенел уже в одном из переулков.

Заведующий и учителя выходили из ворот, оглядываясь по сторонам.

— Завтра будьте во-время,—говорил заведующий, прощаясь.— Я думаю, что сегодняшняя история не повторится.

На следующее утро, когда сторож еще только кончал утреннюю уборку классов, к воротам школы подошли три шуцмана под начальством расфранченного офицера и двое штатских, прятавших носы в воротники пальто.

Один шуцман присоединился к тому, который стоял на посту у поворота улицы, двое других с офицером заняли места у ворот. Штатские расположились в под'езде. Пятью минутами позже в школу прошел заведующий. В воротах он задержался и спросил офицера:

— Когда прибудет отряд?

Офицер улыбнулся:

— Управление прислало всех, кого могло. Мы больше не дадим ни одного человека.

— Но позвольте! Неужели вы думаете, что пять человек, из которых двое штатских, испугают детей?

Офицер пожал плечами:

— Вы думаете, что в районе нет школ, кроме вашей?

От неожиданности заведующий чуть не выронил портфель.

— Что, разве?..

— Неизвестно, забастовали ли другие школы, но во всяком случае положение там тревожное. Полицейские пикеты расставлены всюду.

В дверь учительской постучали. Вошел сторож:

— Мне надо поговорить с вами, господин заведующий.

— В чем дело?

— Вам известно, что там в под'езде дежурят два шпика?

— Известно.

— И вам известно, что двое шуцманов дежурят у ворот?

— Разумеется.

— И вы считаете возможным оставаться в помещении школы, когда школа охраняется полицией?

Заведующий вспылил:

— Это не ваше дело!

Сторож держался спокойно.

— Совершенно верно, это ваше дело. Что касается меня, то... вам придется поискать нового сторожа.

Он повернулся и, уходя, сердито хлопнул дверью. Когда он выходил из под'езда, ребята шли на уроки.

В воротах ребят останавливали шуцманы.

— Покажи книги!

— Где твои книги?

— Без книг в школу нельзя.

Так как книг не захватил никто, перед воротами образовалась толпа. Вновь подходившие не пытались даже проникнуть во двор школы. Марту Брауде, явившуюся с книгами подмышкой, окружили и забросали вопросами:

— Что у тебя, Марта?

— Марта, ты с книгами?

Один из шуцманов бросился к девочке:

— Ты хочешь пройти в школу? Эй, вы!—прикрикнул он на ребят.— Не мешайте ей!

Марта посмотрела на непрошенного защитника.

— В чем дело?

Шуцман, улыбаясь и стараясь быть ласковым, об'яснил:

— С книгами можно. С книгами мы пропускаем.

— С книгами?—Марта быстро передала книги кому-то из стоявших рядом ребят.— С какими книгами? У меня нет книг.

Шуцман, фыркнув, вернулся на свой пост.

— Распакуйте,—не поворачивая головы сказала Марта,—распакуйте книги.

Номер „Барабана", посвященный забастовке школьников, расхватывается в одну секунду. Школьники собираются группами и вслух читают передовую статью. Офицер во дворе школы нервничает. Он видит улицу, запруженную ребятами, и не знает, что предпринять. Наконец он решается, подходит к воротам и кричит:

— Расходитесь! Нечего торчать на улице! По домам!

Никто не обращает внимания на его крик, и шуцманы идут разгонять собравшихся. Тогда ребята прорываются в ворота. Они бегут по двору к под'езду. Офицер гонится за ними. Шпики принимают участие в погоне. Начинается нелепая беготня на школьном дворе. Двери школы закрыты на ключ, и десятки рук барабанят в стекла. Пять человек полицейских явно бессильны. Офицер свистит и выстраивает свой крохотный отряд. Под его командой двое штатских и двое шуцманов покидают пост. Заведующий высовывается из окна учительской и кричит, надрывая глотку:

— Господин офицер! Господин офицер!

Офицер не слышит или делает вид, что не слышит. Внизу школьники ногами колотят в двери. Кто-то увидел заведующего. Крики „долой", свистки, вой и мяуканье поднимаются к окну учительской. Заведующий захлопывает окно как раз в ту минуту, когда Герман Шульце кричит, забравшись на плечи товарищей:

— Товарищи! Товарищи! Ребята!

Мало-по-малу все кругом затихает. Германа слушают.

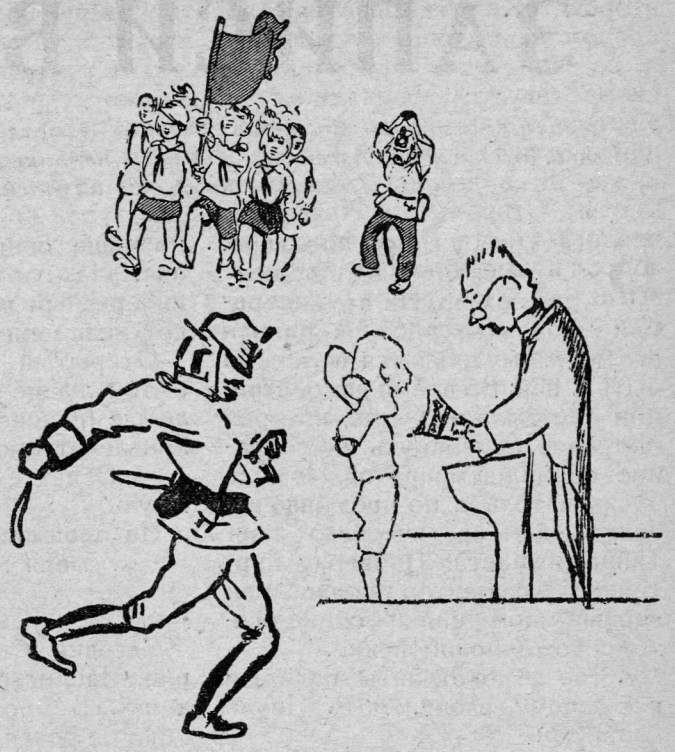
— Товарищи!—говорит он.—Бюро пионеров, совместно с представителями беспартийных ребят, постановило: начать общую забастовку. Все школы района присоединяются к нам. Сейчас мы организованно пойдем к школьникам, которые еще не успели прекратить занятий. Постройтесь в ряды по шесть.

Из окна заведующий видит, как ребята выстраиваются на дворе. Впереди колонны трепещет красное знамя и плакат, от надписи которого заведующий старается отвести глаза. Он бросается к телефону и звонит в ближайшую школу:

— Распустите детей!—кричит он.—Распустите детей! Они идут! Они вовлекут в забастовку и вашу школу!

Ему отвечает дрожащий, взволнованный голос:

— Мне некого распускать. Ребята забастовали во время второго урока!



Школьные ячейки в Германии выпускают сотни боевых школьных газет. Они печатаются на пишущей машинке, на множительных приборах. Помещаем три рисунка из этих газет.

★★★

ЗАБАСТОВКА ВОЗОБНОВИЛАСЬ!

Отрывок из повести рассказывает о забастовке 1929 г. Сейчас забастовка вспыхнула снова. Вот телеграмма:

БЕРЛИН, 4 апреля. В пролетарском районе Берлина—Нейкельне—началась снова забастовка школьников в виде протеста против действий городской управы, „экономящей" на пролетарских школах. Стачка проходит с неслыханным упорством. БАСТУЮТ 80 ПРОЦЕНТОВ ШКОЛЬНИКОВ. Избран стачком в составе 8 школьников. Издается бюллетень. Полиция осадила школы. Вчера в Мариендорфе избит полицейским до крови один школьник. Стачка протекает под руководством пионеров. Власти угрожают родителям штрафом в случае непрекращения забастовки. Полиция охраняет все школы района.

ЗАПИСИ В ДНЕВНИКЕ

Редакции удалось достать дневник двенадцатилетнего гамбургского пионера Георга Бренера из школы имени Лессинга. Дневник неприкрашенно рисует быт и борьбу немецких рабочих и их ребят. Печатаем отрывки из дневника Георга за февраль — март этого года.

ВЧЕРА был у Пауля Мюллера. Он не будет ходить в школу две недели. На демонстрации мебельных рабочих ранили его мать. Ему придется все время быть с ней. Во время демонстрации она была в группе, которая пыталась проникнуть на собрание социал-демократов. Но туда пускали только по пред'явлении соцал-демократического партийного билета. Проверку партийных документов производили верные помощники социал-демократов — полицейские.

Когда демонстранты подошли к главному входу, мать Пауля крикнула:

— Позор социал-фашистам!

Демонстрантов пытались рассеять. Их били дубинками и гнали до самого полотна железной дороги. Здесь мать Пауля упала, ее сильно ударили по голове, и она лишилась чувств.

Все это мне рассказал вчера Мюллер.

А в коммунистической газете мы читаем сегодня ее показания в полицейском управлении.

— Я никогда не держала в руках ружья, — сказала она оберполицейскому. — Но если бы тогда в моих руках была винтовка, я показала бы сверхметкое попадание.

Мы читали эту заметку в школе. Ребята послали меня передать привет матери нашего товарища. Я просил Пауля притти на наше общешкольное собрание. На собрании у нас очень интересный вопрос, и Пауль будет незаменим.

Открытый диспут на тему „Кто лучше — черно-красно-золотые (фашисты) или красные" привлечет много ребят.

— Обязательно буду, — сказал Пауль.

На прощание он мне сказал:

— У меня масса новостей.

★

Сегодня у нас был урок истории. Наш историк принес новую книгу. В предисловии, которое он нам прочел, есть такая фраза:

„Государство желало бы, чтобы у вас было не по паре, а по сотне здоровых рук, умеющих владеть оружием".

Наш ученик Преттер, который очень редко задает вопросы, спросил учителя:

— Зачем так много рук и куда их все деть?

Учитель ответил, что Германии скоро понадобятся колонии, и лишние руки никогда не помешают.

Потом он читал нам международный обзор. Когда он дошел до Советского Союза, все стали слушать особенно внимательно.

— Там голод, — сказал историк Клайнс, — там угнетение, там игра в свободу.

Тогда поднялся Неман, сидевший на первой парте, и попросил разрешения задать вопрос. Отец Немана — социал-демократ. И когда учитель резрешил ему задать вопрос, он так и начал:

— Я — сын социал-демократа.

Никогда я не слыхал ничего подобного. Неман говорил блестяще. Он рассказал о большой дороге, идущей в Куксгафен. Здесь ремонтным рабочим работает его отец. Он работает там пять недель. Однажды партия, в которой был занят отец Немана, получила очень трудное задание. На помощь им дали группу в 25 уголовных заключенных. Все они работали под охраной солдат. Сначала надзиратель решил прислать 50 каторжников, но потом эту цифру уменьшили. В обед каторжникам привезли сало и щи. Эту еду распределяла тюремная кухарка. Каторжники называли ее сестрой. Тюремное начальство рассчитывало на 50 обедов но работало всего 25 человек, и половина всего присланного осталась. В группе, где работал отец Немана, было 23 человека. Так как никому не разрешалось ни на одну минуту оставлять место своей работы, ремонтные рабочие попросили тюремную сестру дать им остаток обеда заключенных.

— Хорошо, — ответила сестра, — Я это охотно сделаю. Необходимо лишь разрешение надсмотрщика.

Группа отца Немана обратилась к надсмотрщику.

— Вы еще суп с салом захотели? Здесь никаких супов, здесь только работа.

— Что же сделать с супом, господин Летке? — спросила сестра.

— Вылейте суп, — ответил надсмотрщик.

— Этого я сделать не могу, — возразила тюремная кухарка. Если у вас поднимется рука, сделайте это сами.

Надсмотрщик подошел к чану и на глазах у всех вылил суп.

Многие товарищи отца Немана бросились подбирать куски сала и капусты с земли. Они с жад-

Арест нью-йоркской пионерки во время демонстрации в день безработных 6 марта.

ностью ели эти остатки, смешанные с грязью.

Наш историк Клайнс не решился ни разу перебить рассказ Немана. Но когда Неман кончил, он спросил его домашний адрес и сказал:

— Я обращусь в социал-демократическую партийную организацию. Там призовут к порядку членов партии, которые пичкают политикой своих детей.

Урок был закончен.

★

Позавчера было собрание трех классов. Были преподаватели, были представители комсомола, социал-демократического союза молодежи и работники парткомитетов КП и СД Гамбурга. Собрание было созвано по инициативе „школьного звена" юных спартаковцев. Заметка о нашем собрании, которую мы сдали в нашу партийную газету, была перепечатана и социал-демократической газетой. Тема была интересна не только для нас, но и для социал-фашистов: „Кто лучше — черно-красно-золотые или красные?"

Пришел и Пауль Мюллер.

С самого начала мы условились, что для того, чтобы не затянуть собрания, будут выступать только наши ученики. Взрослые будут слушать.

Когда пришел Пауль Мюллер, он попросил, чтобы его записали первым. Он говорил очень хорошо — наш славный Пауль!

— Многие товарищи,— начал Пауль,— знают моего старшего брата, ему 20 лет. Два года он без работы. Он ежедневно покупает газету и на последней странице ищет в отделе „Спрос и предложение труда" что-нибудь подходящее. Но за два года он ничего не нашел. Он прошел уже все три стадии безработицы. Он получал пособие „по случаю кризиса", „по случаю бедности" и даже „по случаю голода". Но он всегда откладывал последний пфенниг на газету и терпеливо искал. Он работал около четырех лет по автогенной сварке. Во время безработицы ему не раз представлялась блестящая возможность стать штрейкбрехером, но в семье Мюллеров никогда не было предателей.

Пять дней тому назад моему брату Отто „повезло". Он сказал дома, что на первой странице газеты нашел великолепное предложение.

— Верных 5000 марок,— сказал Отто, уходя из дому.

Вечером он вернулся и сказал, что дело не выгорело, подвел его самый близкий друг.

Отто рассказал нам подробности этого дела.

На последней странице, как всегда, он ничего не нашел.

Тогда на первой странице в отделе происшествий он обратил внимание на заметку, где говорилось, что некий студент, сын богатых фабрикантов, заподозрен в убийстве женщины. Все улики против него, но он отрицает вину.

Отто разузнал адрес родителей этого студента. Он решил явиться к этим богатым людям и сказать им, что он готов притти в полицейпрезидиум и взять на себя вину их сына. Он расскажет полицейским чиновникам, что убил не студент, а он, Отто Мюллер, безработный, которому нечего терять.

„Пусть три, пять, восемь лет тюрьмы, зато он будет уверен, что каждый день хлеб и похлебка. Пускай за это богатый фабрикант выдаст ему 5 000 марок: деньги эти Отто положит в банк и будет ждать конца тюремного заключения. Тогда он за все эти годы хорошенько покушает и поживет", так думал Отто Мюллер по дороге к родителям убийцы.

Они жили на втором этаже. Отто быстро поднялся по лестнице и обогнал какого-то медленно поднимающегося человека. Пять ступенек в один шаг! Он проскочил площадку второго этажа. Он уже на третьем. Нужно спускаться вниз. У двери нужной квартиры человек, которого он обогнал.

— Бленкле! — кричит Отто человеку. — Что ты тут делаешь?

Лучший друг Мюллера, Август Бленкле, растерян.

— Я,— говорит он и вытаскивает из кармана газету. — У меня блестящая идея! Я хочу продать свою свободу. Я хочу быть убийцей.

...Пауль Мюллер держит в руках что-то блестящее. Он подходит к секретарю комсомольского комитета Гамбурга и протягивает ему медаль.

— Это серебряная, — говорит Пауль. — Это медаль моего отца. Он получил ее в 1915 году. Мать до сегодняшнего дня берегла это как память об отце. Сегодня она просила меня передать этот кусочек серебра в фонд трактора „Гамбургский Рабочий", посылаемого в Советский Союз.

Александр Рен, 10 лет, ученик нашей школы, подходит к Паулю. Рена мы бойкотируем

ВОТ НАШИ ВРАГИ

Итальянские фашисты организуют из ребят детские фашистские отряды „Балилл". В этом им помогают ксендзы и раввины.

„Балиллы" обучаются стрельбе

и военной гимнастике.

уже дней 10. Его отец штрейкбрехер. Все пролетарские ребята отказались сидеть с ним за одной партой.

— Ребята, — говорит Рен, — теперь я опять могу сидеть рядом с вами. Мой отец не ходит уже в доки. Он бросил штрейкбрехерство.

...Мы раскупаем марки с изображением трактора. Марки продает секретарь Гамбургского комитета комсомола.

„Таким будет выглядеть трактор, который мы пошлем в Советский Союз" — так написано на марках.

И каждый из нас прикрепляет этот символ пролетарской солидарности к тужурке, пиджаку, пальто.

Собрание окончено. Мы поем песни.

Гинденбургу — петлю.
Тельмана — к рулю!
Будет Германия советской!

По дороге из школы мы слушаем Пауля.

— Вот, ребята, настанет такой день, может даже как в России в Октябре быть этому дню; выйдем мы все на улицу, и побежит от нас полиция, банкиры, социал-фашисты.

... Гинденбургу — петлю!

— Доносится со стороны школы.

★

Вчера над доками „Блом унд Фосс" впервые с 1923 г. — с Гамбургского восстания — опять взвился красный флаг.

Мы участвовали в демонстрации 6 марта — международного дня безработных. Большая группа ребят, примерно человек 50, в том числе и я, была препровождена в большой каменный дом. Некоторых из нас до этого крепко избили на демонстрации, и полицейские старались быть сейчас „вежливыми". Они уже не пускали в ход резиновые палки, а только подталкивали кулаками.

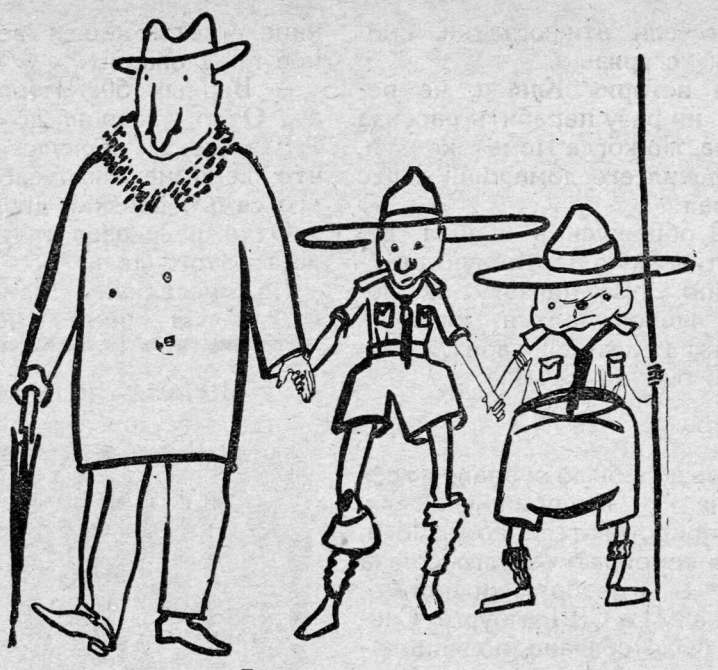
Большой каменный дом — это так называемый „Институт по борьбе с жестоким обращением с детьми".

Здесь нас держали целый день и выпустили только к вечеру. Директор этого „института" на прощание читал нам лекцию и отпустил, наговорив кучу всяких наставлений.

Многие ребята возвращались с синяками после полицейских дубинок и кулаков, но все были весело настроены.

— Вот здорово! — сказал один парень. — Сначала избили, а потом отвели в Институт по борьбе с жестоким обращением.

В поход на Советский Союз!



Буржуазная смена.

Когда мы вышли, демонстрация еще продолжалась. Мы встретили большую колонну инвалидов войны. Они ехали в колясках. В одной коляске вместе с безногим инвалидом сидел мальчишка лет шести. Он развернул полуметровый красный плакат, где было написано:

„Мы любим Ленина, потому что его ненавидят капиталисты".

★

Сегодня под влиянием демонстрации 6 марта устроили в школе баррикады. Это была игра: „полиция и красные". Баррикады строили из парт и скамей. Но когда приступили к игре, то никто из ребят не хотел изображать полицейских.

Игра расстроилась. После игры приняли такую резолюцию:

„У нас создаются организации маленьких социал-фашистов. Они называют себя „красными соколами". В борьбе с классово-сознательными пролетарскими ребятами они связываются со „следопытами" и другими буржуазными организациями, они издеваются над „красными школьниками". Мы, пролетарские мальчики и девочки, начинаем строить свою организацию самообороны. Нашу красную детскую дружину мы называем „красные копья" — это будет боевой отряд самообороны „юных спартаковцев".

ГДЕ БЫТЬ ПИОНЕРОТРЯДУ

КОНЕЦ ДИСПУТА

— Продолжим наш диспут, — сказал редактор, открывая собрание.

— Кто просит слово?

— Я, пионер базы ВСНХ СССР, Каменский.

— Ребята, внимание! Давай, Каменский.

— Сейчас перед пионерами встал вопрос: где организовать отряд — при школе, учреждении, предприятии. Надо решительно сказать: только при школе.

— Неверно! Не надо при школе!

— Да, только при школе. В отряде имеется, скажем, 50—60 ребят, которые учатся в разных школах. Пионера нагружают и в отряде, и в школе — да еще учеба. Все это совместить невозможно. Поэтому в школах падает пионерская работа. Ребята стараются успеть на все фронты и никуда не поспевают. Выход в том, чтобы все фронты работ управлялись одним штабом, а не несколькими. Этим-то штабом и должна быть школа. В школе пионер непосредственно сталкивается с неорганизованной массой школьников...

— Вот и я тоже говорю, что пионеры всех школьников втянут в отряд!

— Тебе слова не давали. Кто это выкрикивает?

— Это я, Трояновский, из Ельшанки, я хочу сказать...

— Тов. председатель! Я давно уже прошу слова! Я вперед!

— Ну, говори ты. Как фамилия?

— Куликова, вожатая 4-го звена, 56-го Самарского отряда. Ну, вот, ребята. Наше звено горячо обсудило вопрос, где быть отряду. Мы решили, что отряды должны быть при производстве. Тут многие ребята доказывали, что отряды нужны при школах. Но при школе отряды работать будут хуже, потому что здесь руководители, хотя и образованные люди, но служащие, и у них нет того единого духа и сплоченности, как у рабочих. Поэтому преподаватели нам не дадут должного направления. А на производстве за нашей работой будут следить рабочие, и мы будем закаляться в духе рабочего коллектива.

— Я ничуть не согласна с Куликовой!

— А кто это говорит? Откуда?

— Из Новоузенска Кленикова. Ну, вот, ребята. Насчет педагогов I Всесоюзный слет сказал так: „Разоблачить всех педагогов, не желающих итти в ногу с трудовой школой". Если в школе детей трудящихся меньше, чем детей чуждых нам классов и педагогический состав не пролетарский, а мы возьмем, да и бросим такую школу — что же получится? Школа выпустит не будущих строителей социализма, а настоящих вредителей. Школа должна итти в ногу с отрядом!

— А я не согласен с ней, — говорит Кузин, рязанский деткор. — Куликова была права. Вспомните, что говорили ребята в № 1 „Пионера": отряд растворится в школе, потеряет свое классовое чутье. А что же это будут за пионеры! У нас сейчас советских учителей мало, а большинство старых преподавателей со старым закалом. Вращаясь около них, пионеры не смогут воспитаться такими, каких нужно Советской стране. Нам нужны такие пионеры, которые всю свою душу отдадут за рабочий класс. А таких можно воспитать только при фабриках и заводах. Отряд при школе будет сезонным, потому что на лето деревенские ребята уезжают по домам. Большинство ребят записывается в ближайшие отряды. А если они будут состоять в школьных отрядах, то многим придется ходить километра за три-четыре. Не будем насильно загонять в школьные отряды! Дадим им состоять там, где им удобней!

— Дайте, пожалуйста, мне сказать! Я нахожу, что Кузин в корне не прав.

— Акишин! Куда ты без очереди! Ведь я же хотел...

— Подожди, Трояновский, я только ему отвечу!

— Ты откуда? Москвич?

— Да. Ну, ребята, что же это будут за пионеры, если они в школе могут потерять свое классовое чутье! Если школа будет так разлагать пионеров, то что же станется с неорганизованными ребятами? Ведь их не мало. Что ж, разве мы не должны думать о них, не должны их втягивать в свои ряды и воспитывать? А потом он говорит, что далеко ходить, если отряд будет при школе. А как же, учиться-то, ведь, ходят. А на лето ребята уезжают в лагеря.

— Я могу доказать, что при школе лучше. Вот, например, у нас, в 43-й школе, есть два отряда. Один при заводе „Мемза", другой — при школе. И почти все наши школьники состоят при школе, а при заводе наших школьников почти нет, и тот отряд собирается редко.

— Правильно, Акишин!

— Нет! Не верно рассуждает! А комсомольская ячейка где?

— Ребята, берите слово и высказывайтесь.

— Я хочу сказать!..

Ну, теперь ты, Шубенкин. Ты что скажешь?

— Я скажу вот что. Я думаю, что пионерский форпост при школах никакого руководства не ведет, а руководит учком. По-моему, это неправильно. Надо чтоб руководили пионеры. Отряд должен быть не при школе, но работать должен в школе, тогда мы сможем пользоваться школьными мастерскими, у нас всегда будет помещение, и мы сможем собраться в любой момент.

— Дайте, наконец, слово тулякам!

— Ты из Тулы?

— Из Тулы, да. Деткор Карасев. Вот вы, ребята, все спорите, а сначала должны выслушать тульских ребят...

— По существу! К делу! Ведь пионерами руководит комсомол, а не школа.

— Отряды при всех школах устраивать нецелесообразно. Есть школы, которые занимаются в две и даже в три смены. Вообразим себе, что в такой школе будет отряд. Начинается звеньевой сбор. Сбор в разгаре, и вдруг — звонок на места. Перерыв между первой и второй сменой кончился, и ребятам приходится или кончать сбор, или срывать урок. Мы должны организовать отряд при ФЗС, заводских школах. Нельзя отрывать отряд от производства, от рабочих, от партийной и комсомольской организации.

— Купершмид!

— Я считаю, что будет гораздо лучше, если отряд будет при ФЗС. Работа будет концентрирована. Ребята будут связаны и с производством и со школой. Пионеротряд должен приблизить школу к производству. Работой будет руководить базовый совет. Отряд должен находиться не при школе, а при комсомоле, при производственной ячейке. И учителя тоже должны помогать нам.

— Ребята, — сказал редактор вставая, — вы довольно высказывались и за и против отрядов при школах. Предлагается следующая резолюция:

(Резолюция напечатана на стр. 10).

ТРИ ПРЫЖКА

ОКОНЧАНИЕ ОЧЕРКА ЛЕТЧИКА
Л. МИНОВА и Н. БОБРОВА

Содержание напечатанного в № 10.

Тов. Минов рассказывал, как он в детстве совершил свой первый воздушный прыжок с помощью зонтика. Когда он вырос, он стал летчиком и был послан в Америку для изучения парашютов. Минов совершает свой первый прыжок под руководством инструктора Форда.

ПО ДОРОГЕ я был на аэродроме города Сан-Антонио, где познакомился с шестидесятилетним парашютистом мистером Никлсом, являющимся учителем моего «папаши» Форда.

Таким образом, я нашел в Америке много родственников: и отца, и моего «парашютного дедушку», который, несмотря на свой возраст, частенько прыгает на парашютах.

Приятно все-таки принадлежать к такой бодрой семье!..

Наконец мы прибыли в Лос-Анжелос, город белоснежных небоскребов, уходящих в индиговое небо. Вдали, в лиловых от полудневной дымки предгорьях, расположен маленький городок Помона. Я и инструктор парашютной фирмы мистер Уайт едем туда на автомобиле. Трибуны аэродрома, расположенного вблизи этого городка, сегодня—7 июля 1929 г., в воскресный день—битком набиты народом. Сегодня первая годовщина открытия аэродрома, а поэтому на нем торжество — состязания парашютистов.

Мы отправились на аэродром. Первым прыгал мой учитель Уайт, нельзя сказать, чтобы очень удачно. По заданию, он, как и все участники конкурса, должен был, прыгнув с самолета, спуститься на парашюте в круг в центре аэродрома, диаметром всего лишь в 35 метров. Но ветер отнес его очень далеко от круга. Раздосадованный неудачей, Уайт передал мне парашют, комбинезон и свои ботинки (мы одинакового с ним роста, крупного даже для американца), и я принялся за дело.

За ангаром, где стоял наш автомобиль, я сложил и проверил парашют сам, ибо ни один из парашютистов не прыгнет на парашюте, сложенном кем-либо другим, и принялся за свой туалет. Все время около меня вертелся маленький карапуз в огромных брюках, подвязанных у самой шеи. Когда я просил его подать какую-либо принадлежность для укладки парашюта, он с удовольствием выполнял мои просьбы. Когда я работал сам, он скромно стоял в стороне, держа один из пальцев во рту. Юный американец был не по летам солиден.

„Парашютный папаша" Никлс.

Когда работа была закончена и я одевал резиновые ботинки парашютиста, мальчуган с изысканной вежливостью обратился ко мне:

— Please, Sir (скажите, пожалуйста, сэр), что будет, если парашют не раскроется? — и смутившись, положил палец в рот.

В этот момент раздался голос из громкоговорителя, установленного перед зрителями, приглашавший меня на аэродром:

— Я имею особое удовольствие, — услышала притихшая публика, — объявить вам, что сегодня на нашем родном аэродроме среди других гостей мы имеем русского летчика мистера Майнова, который послан своим правительством в Америку для изучения парашютного дела. Мистер Майнов совершил уже ряд прыжков на парашютах фирмы «Ирвин». Сегодня он примет участие в нашем празднике и в целях лучшего изучения парашюта и для своего и нашего удовольствия совершит прыжок на парашюте «Ирвина». Мистер Майнов, просим...

Голос громкоговорителя застал меня во время шнуровки ботинок. Я кое-как закрепил шнурки и, выйдя из ангара, помахал рукой публике.

Через несколько минут с парашютом, прикрепленным к моей спине, я отправился в поле. Самолет «Флиит» уже ждал меня. Рев мотора, взлет—и мы в воздухе. Отсюда, сверху, я вижу необычайно маленький аэродром с плохими к нему подходами, тысячи автомобилей, выстроившихся в ряд за ангарами, трибуны со зрителями и крошечный, с пятицентовую монету (отсюда сверху) белый круг...

— Высота — 430 метров.

Я приготовляюсь к прыжку. Легким ударом по плечу летчика предупреждаю его об этом. Затем, с огромным трудом преодолевая сопротивление встречных потоков ветра, вылезаю из сиденья и...

«А что бывает, сэр», мешается в вихре мыслей.

Где-нибудь, на нашем аэродроме, среди друзей такой вопрос мог бы тревожить. Здесь же, когда я чувствую взгляды тысяч зрителей, у меня не должно быть сомнений... В этот момент мои

пальцы, держащиеся за борт самолета, размыкаются...

«Держись, Минов, придется тебе еще раз поглотать американский воздух», проносится последняя мысль, и я чувствую, что воздух плотен и жесток, и вижу, как мои белые парашютные ботинки прочерчивают индиговое небо. А одновременно, страшно медленно, но четко, как ритм часов, я считаю: — Раз... два... (ноги внизу, нет, уже где-то на горизонте, — я переворачиваюсь в воздухе, но не раскрываю парашют) три... четыре... Довольно!—Я вырываю кольцо, с болью во всем теле от сильного толчка прекращаю падение и вижу близко плывущую в сторону землю. Во внезапно наступившей после рева мотора тишине я слышу гул, точно морской прибой, и, приближаясь к земле, различаю рев голосов и аплодисменты.

Восторг моих американских зрителей был отчасти понятен мне: по своему плану я позднее других раскрыл парашют... я произвел так называемое «запаздывающее раскрытие[1]».

После спуска я услышал голос из громкоговорителя.

— Мистер Майнов сел в 23 метрах от центра круга. По итогам состязаний — третье место.

Гром рукоплесканий.

Мой учитель-инструктор Уайт занял пятое место.

Первый приз получила американская девушка. Я забыл ее фамилию, она прыгала передо мной на пестром парашюте и... опустилась в самом центре круга. После состязания она пожала мне руку.

Я ответил ей крепким искренним рукопожатием.

Кинорепортеры из соседнего с Помоной мирового кинематографического центра Холливуда неистово вертели рукоятки в походных аппаратах.

Когда я раздевался за ангарами около автомобиля, ко мне подошел мальчуган:

— Значит, парашют раскрылся, сэр?

— Значит,— ответил я ему.

На что мальчуган в длинных до ушей брюках, подшитых заботливой мамашей на сиденьи кожей, ответил:

— All right, Sir... god bye! Очень хорошо, сэр! До свидания!

★

КАК УСТРОЕН ПАРАШЮТ

Парашют в развернутом виде представляет собой большой купол, наподобие зонтика, с небольшим отверстием в центре. Этот купол сшит обычно из 24 отдельных полос, суживающихся кверху (к вершине купола). От нижней кромки купола идут 24 с т р о п ы, которые другими концами прикреплены к особым ремням, называемым л я м к а м и. Лямок всего четыре, и к каждой лямке прикреплено по 5 строп купола.

Летчик при спуске не висит на руках, а сидит, и не менее удобно, чем на качелях. Это достигается тем, что лямки скреплены с целой системой ремней, плотно охватывающих ноги, спину, плечи и грудь летчика.

[1] Я это сделал для того, чтобы получить практическое знакомство с ударом, который следует после раскрытия парашюта. А кроме того, — это прекрасный случай испытать свою выдержку.

ЧТО ВИДЕЛ ТОВ. МИНОВ ВО ВРЕМЯ СВОЕЙ ПОЕЗДКИ ПО САСШ.

Это — остатки прежних хозяев Америки — индейцы. Запертые теперешними хозяевами Америки—капиталистами—в бесплодных пустынях, индейцы быстро вымирают.

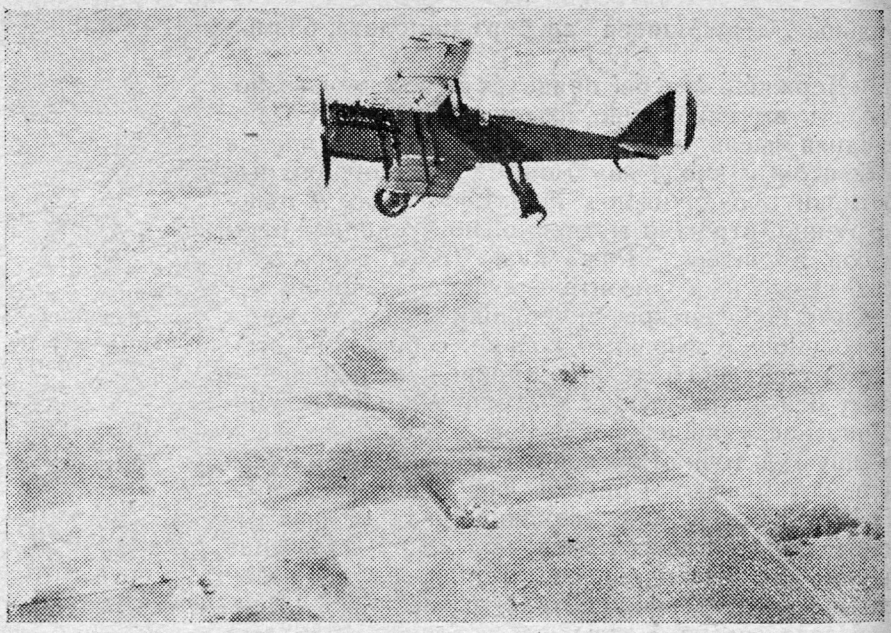
Это—тот мальчуган в длинных брюках, который задал тов. Минову вопрос перед прыжком. На земле лежит парашют.

Это—ковбои-пастухи громадных стад коров и овец в степях Техаса. Ковбои славятся своим умением укрощать диких лошадей.

Весь этот громадный зонтик вместе со стропами укладывается в небольшой парусиновый ранец, заменяющий летчику подушку на сидении самолета и прикрепленный к парашютным ремням.

Вот почему купол парашюта делается из тонкого японского шелка; помимо меньшой толщины и веса, этот шелк обладает наибольшей прочностью, чем другие материи. А прочность материала купола особенно важна, так как в момент открытия парашюта под действием тяжести тела падающего летчика, купол принимает сильный удар, который способен порвать недостаточно прочную материю. Поэтому и стороны парашюта делаются из шелковых шнурков, а лямки—из прочного брезента.

Укладка парашюта в ранец выполняется вполне определенным способом и является самым ответственным моментом, так как ошибка при укладк парашюта может вызвать отказ его в действии во время прыжка.



Самый важный момент для парашютистов—прыжок с самолета.

Не особенно удачный прыжок. Положение парашютиста не из приятных.

ГДЕ БЫТЬ ПИОНЕРОТРЯДУ

(Начало см. на стр. 7).

Выступил московский пионер.

Центральное бюро пионеров еще в 1928 г. постановило, чтоб все школы должны быть прикреплены к производству. Пионерский отряд, который работает при производстве, должен возглавить всю работу школы. Наши пионеры должны подтягивать школу ближе к жизни, ближе к производству. Раз отряд и школа работают при одном производстве, то их планы должны быть согласованы. Пора покончить с таким положением, когда отряд и школа проводят параллельную работу. Это отнимает много лишнего времени. Вот это наше первое предложение.

— Согласны, ребята? — спросил редактор.

— Согласны. Читайте дальше.

— Второе предложение, это относительно работы с неорганизованными. Всю внешкольную работу должен проводить отряд, школа должна работать под руководством отряда. Наши учителя должны помогать в этой работе. Примечание к этому пункту состоит в том, чтобы не распылять работу с неорганизованными. Полем этой работы с неорганизованными является прилегающий к производству фабрично-заводской район. Мне кажется, что возражать никто не будет. Теперь последние два замечания. Всю работу отряда и школы мы должны ставить под контроль рабочих. А практическая помощь и руководство в работе, конечно, остаются за комсомольской и партийной ячейками того производства, при котором работают пионеры и школьники.

— Возражений нет? Тогда читай последнее предложение.

— Теперь, мы видим, что школа и отряд находятся при одном производстве, занимаются общими, производственными и общественными вопросами. Это достижение пионеров. Но пионеры вовсе не должны сливаться со школой и переносить в школу свое содержание работы. Ведь пионеры — организаторы всей школьной детворы. Школа и отряд могут каждый проводить свою работу. Пионерский отряд переносит в школу только организационную форму работы, использует школу как силу, приближает ее к производству, но содержание работы остается на производстве. Отряд идет в школу только лишь для того, чтобы вытянуть всех школьников из школьной коробочки. Следовательно, центр тяжести организационной работы переносится в школу, а содержание работы отряд вместе со школой переносит на производство. Согласны?

— Да. Принимаем.

Редактор:

— Тогда диспут о школе считаю оконченным.

НАПАДЕНИЕ НА ЭКСПЕДИЦИЮ

В АВГУСТЕ 1929 г. из Хабаровска отправилась экспедиция на р. Иман отыскивать нефть. Она проплыла по Иману 300 километров. Путь на лодках был очень тяжел. Лодки приходилось передвигать шестами. Путь преграждали деревья, свалившиеся в реку, образовавшие густые заторы, сквозь которые экспедиция должна была прорубаться. Целый день упорного труда позволял экспедиции продвинуться вперед только на несколько километров.

10 сентября экспедиция сумела выбраться в поход по тайге. В тайге начинался листопад, который облегчил работу экспедиции. Весной и летом, при густой зелени, экспедиция была бы невозможна: непроходимая тайга не позволила бы увидеть, что творилось в десяти шагах от людей.

В тайге была устроена база, а сама экспедиция отправилась на гору Вейликемани. С нее, по рассказу проводника, должно быть видно нефтяное озеро. Но никакого озера экспедиция не нашла.

Гора Вейликемани царит над всей окрестностью. С ее вершины открывается необыкновенно величественный вид на горную тайгу, изрезаннную десятками маленьких горных хребтов. На востоке от нее глаза упираются в огромные горы главного хребта Сихоте-Алинь. Вершина Вейликемани достигает тысячи метров над уровнем текущего у ее основания Имана.

По возвращении на базу экспедицию ожидал удар — база была разгромлена, сторож ее убит, оружие похищено. Проводник Кайстро, один из лучших знатоков тайги, по следам отправился в погоню за преступниками.

Следы привели сперва к небольшому шалашу на берегу Имана, а затем к большому бараку, около которого было много свеженатоптанных следов. Единственный след от костра, обнаруженный в бараке, показал, что огонь зажигался не раньше, чем две недели тому назад. Эта неувязка во времени показалась подозрительной. Проверяя следы, расходившиеся от барака, Кайстро натолкнулся на спрятанные под сваленным деревом банки и мешки с сахаром, мукой и рисом.

Вблизи барака удалось обнаружить тщательно запрятанное оружие, похищенное у экспедиции. Оно было положено в дупло старого дерева и засыпано древесной трухой. Найденные по следам бандиты — четыре местных кулака — были арестованы.

Экспедиция потом обследовала еще несколько предполагаемых месторождений нефти. Все они оказались только разной величины лужами болотной воды и ключами с водой, покрытой пятнами от окислов железа.

ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ

В Северном полярном море стоит во льдах пароход „Ставрополь". Он не успел до наступления зимы добраться до незамерзающего моря. Ледорез „Литке", отправившийся ему на помощь, не смог пробиться сквозь льды. Тогда „Литке" в бухте Провидения оставил два самолета, а сам ушел во Владивосток. Самолеты после конца полярной ночи отправятся на помощь „Ставрополю".

Вот описание одного из первых полетов летчика Слепнева.

Развернувшись против ветра, самолет поднялся и полетел низко, тяжело, прямо на сопку. Почувствовалось что-то неладное. Пролетев около двух километров, самолет снизился у аэродрома, невдалеке от чукотской яранги. При посадке фюзеляж (корпус) машины был пробит врытой для подвески байдар большой, в рост человека, крепкой костью — челюстью молодого кита.

Самолет так крепко засел на китовую челюсть, что снять его удалось с большими усилиями. Пришлось распиливать кость в двух местах — вверху и под корень.

Чукча — владелец одинокой яранги — долго печалился, глядя, как подпиливают его кол.

— Крепкий,— говорил он,— такой другой нету.

Его успокоили обещанием подарить ему хорошую доску. Он просветлел и рассказал, что эта кость—челюсть маленького кита, а челюсти больших китов во много раз длиннее. И он показал их величину на земле — около четырех метров.

НОВЫЙ ЗОЛОТОНОСНЫЙ РАЙОН

Экспедиция Академии наук под руководством проф. Обручева открыла в Якутии между реками Индигиркой и Колымой громадный золотоносный район. Золотоносная полоса охватывает площадь длиной в 700 *км* при 250 *км* ширины.

ОТ НАШЕГО СПЕЦКОРА

„Пионер" послал специального корреспондента на остров Моржовец в Белом море. На этом острове находится база для самолета, помогающего зверобоям находить лежки тюленей.

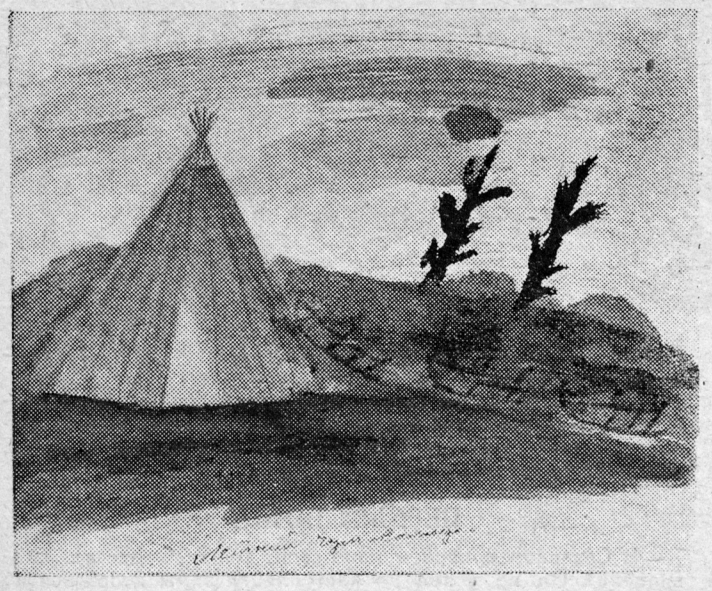
С самолетом, возвращающимся с Моржовца, тов. Солнцев прислал редакции первое сообщение. В нем он пишет: „Три дня назад был шторм. Товарищ рассказывает, как его несло по льду целый километр, пока ему не удалось воткнуть палку в снег. Во время сильного ветра нельзя упасть на спину: лежишь под углом в 30° к земле на воздухе.

Тов. Чухновский перед самолетом.

Вчера, пролетая над морем, видел тюленей, нежащихся на льду. От шума мотора они пугливо озирались и, ковыляя на своих ластах, ныряли в полыньи. В бинокль мы с механиком отыскали в тундре самоедский чум и стадо оленей.

Вчера вечером было странно слушать, как из соседней комнаты по радиотелефону говорили с „Малыгиным" и „Русановым, которые стоят где-то за сотни километров во льдах.

„Алло! Алло! Малыгин, Русанов и другие промысловые суда. Алло! Слушайте! Говорит Моржовец!"



САМОЕДЫ

Очерк В. Беляева
Рисунки самоедских ребят

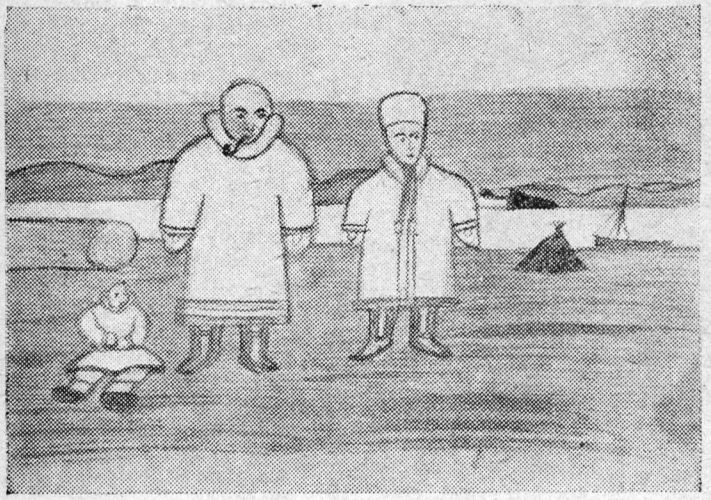
НИ ОБ одном народе не было сказано столько небылиц и чепухи, как о самоедах. Уже в VII веке китайские историки писали о самоедах: „На ногах у них были деревянные кони (лыжи), опирались они руками на подпорки (лыжные посохи), и каждый шаг их был во сто раз больше шага обыкновенного человека, а по ночам... они занимались кражами и разбоем".

А у нас в старину о самоедах писали, будто они: „на зиму умирают, а весной воскресают, как лягушки".

Лет 60 тому назад вышла даже одна „ученая" книжка о самоедах с картинкой, изображающей самоедского князя, который зарезал свою дочь, чтобы ее мясом угостить казацкого сотника, приехавшего к нему в гости.

Все это, разумеется, вздор, чепуха, небылицы и клевета.

Чтобы познакомиться с самими самоедами, их жизнью и занятиями, нет никакой необходимости прибегать к длинным и, может быть, скучным описаниям, у нас под руками находятся самые достоверные протоколы, изображающие все это. Большое достоинство этих протоколов в том, что их может прочесть даже неграмотный. Это рисунки самих самоедов, самоедских ребят.



Самоедская семья.

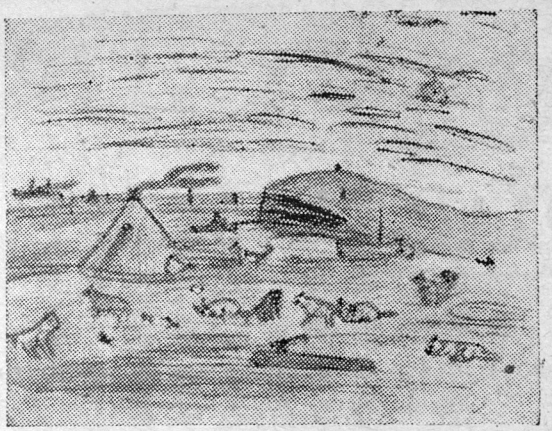
Вот один из них, изображающий самоедское становище. Берег моря, чум (жилище самоедов) с выходящим из него дымом (внутри горят дрова, на которых готовятся пища и чай). Направо, около толбея (скалы) парусная лодка, на которой самоед выходит в море, на охоту за зверем (морж, тюлень, нерпа, белуха — морская корова, род кита и пр.). На второй лодке, находящейся в море, передвигается самоед. Он гребет. Вдалеке стоит еще один чум, и у самого горизонта — морской пароход. Дело происходит на острове Новая Земля. Хлеб здесь не сеют, а фабрик и заводов нет. Этот пароход, что дымит у горизонта, привез сюда с материка, из Архангельска, все, в чем нуждаются самоеды: хлеб, масло, чай, мануфактуру и пр.

На первом плане — целая армия собак. Одна со щенятами. Собака — лучший друг самоеда и незаменимое средство сообщения: на Новой Земле дорог никаких нет, оленей не водят и кроме собак передвигаться не на чем. Собака везет по любой дороге — и по снегу, и по камню, и по болоту. Собака же помогает самоеду и в его охоте на медведя, птицу и пр.

Каждый самоед имеет 10 — 12 собак (это самое меньшее, что требуется для одной упряжки). Самоедские ребята очень наблюдательны, как все охотники. Эта наблюдательность видна и на нашей картинке. По-своему собаки изображены очень живо, каждая что-нибудь да делает: грызет кость, брешет, лежит, бежит и т. д.

Вот другой рисунок. Здесь наш маленький художник Ново-Земелья показывает семью промышленника-самоеда и знакомит нас с типами и костюмами. На берегу временный чум, около берега — карбас. Позади типичные толбеи-скалы, на которых зачастую находятся так называемые „птичьи базары", где гнездуются сотни тысяч и миллионы разных птиц: чаек, кайр, люриков, гаг, гагарок и пр. С одним из таких „базаров" и сталкивает нас другой самоедский художник-ребенок. Мы видим здесь массу птиц, сидящих на гнездах. Сбоку скалы и наверху фигуры промышленников, собирающих птичьи яйца и пух. И то и другое является особым видом промысла. В пищу себе самоеды бьют, главным образом, гусей, в то время, когда они линяют и не могут летать. Тогда их не стреляют из ружей, а бьют палками и затравливают собаками.

Ловят в пищу себе самоеды и рыбу. Ловят сетями, снастями и так, как показано на нашем новом рисунке. Ловится, главным образом, голец, чрезвычайно вкусная, с нежным мясом рыба (род семги).



Самоедское становище.

У берега моря.

Другие рисунки очень подробно рассказывают нам о прочих видах промыслов, существующих на Новой Земле. Здесь и ловля песцов кайками, и охота на белого медведя, и подкарауливание нерп, и стрельба по тюленям, белугам, моржам. Как охотники, самоедские ребята любят по преимуществу изображать эпизоды охоты, но по их же рисункам можно установить, что на Новой Земле есть и школа, и школьники-пионеры. Увидим мы здесь же и занятия гимнастикой, физкультурой. Не забыта и та природа, среди которой живут самоеды. На наших рисунках и бушующий океан с похожими на горы волнами, и массив гор, покрытых снегом, и ледники, и плавающие ледяные горы — айсберги. Словом, вся жизнь, весь быт, как они есть, с исчерпывающей полнотой проходят перед нами на этих рисунках, таких верных и точных в передаче действительности.

Чтобы дополнить представление о жизни на Новой Земле, скажем, что все самоедское население об'единено в промыслово-охотничьи артели, имеет моторные суда для морских промыслов. Чумов на Новой Земле уже совсем мало. Теперь самоеды живут в избушках русского типа. Верить в бога и идолов перестали: в часовнях устроили склады продовольствия, чурочки богов за пазухой не носят. Среди самоедов теперь встречаются и коммунисты, и лица с высшим образованием.

Всего на Новой Земле, занимающей 90 000 кв. километров, живет 219 человек.

„Птичий базар".

За ловлей рыбы.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ...

В ГЕРМАНИИ производятся опыты передачи по радио цветной звуковой фильмы?

16 тысяч рабочих американской стальной промышленности работают по 12 час. в день, и 66 тысяч работают семь дней в неделю?

К концу пятилетки в СССР будет жить 165 млн. человек?

В индийской провинции Бенгалии из трех новорожденных выживает только один?

Институт Маркса и Энгельса в Москве купил во Франции 30 страниц из I тома „Капитала", написанных рукой Маркса?

Немецкий пароход „Бремен" установил новый рекорд, проплыв из Европы в Америку 4 дня и 23 часа?

В голодающих районах Китая продают в рабство мальчиков и девочек по 50—60 рублей?

Норвежская экспедиция открыла около Южного полюса неизвестную землю, площадью в 5 000 квадратных километров?

В Шахтинском округе Донбасса начинается постройка социалистического города Коминтерновска, стоимостью в 60 млн. рублей?

ЧТО...

СССР купил в Америке пять больших пароходов?

Днепрострой вступил в четвертый год строительства?

Рабочие Сталинградского тракторного завода дали обещание пустить завод на две недели раньше срока?

Немецкий ученый предложил вместо очков для близоруких надевать на глазное яблоко особые небьющиеся стекла?

Зимний рейс

Очерк Я. Кальницкого *Рис. А. Фонвизина*

НАД ВОДОЙ носится туман. Налетает бесшабашный ветер, рвет завесу тумана в клочья, и тогда с острова Кильдина в Северном Ледовитом океане открывается вид на хмурые, покрытые ледяной глазурью горы Кольского полуострова.

Из невидимых туч, как из рваных мешков, валит густой, тяжелый снег. Ветер подхватывает снежные тучи, стремительно направляя поток ледяных игл вдоль острова.

Рыбачье суденышко превращается в ледяную глыбу — тяжелеет и оседает на воде. Палуба пляшет, судно встает на дыбы, как взбешенный конь, а рыбаки, каждую секунду рискуя сорваться в кипящую муть, сбивают лед.

В Мурманске — всего сто километров южнее Кильдина — дома вздымаются бревенчатыми рядами, печи кафельные, тротуары деревянные. Там круглые сутки чохает электрическая станция; как заблудившийся слон, ревет у вокзала единственный паровоз. Клубы в Мурманске полны народа, шахматные секции устраивают турниры, и свой северный врач — тундровый старожил — читает лекции о пользе витаминов, связывая свою теорию питания с организованным на несколько сот километров южнее, в Хибинах, опытным овощным питомником, самым северным в СССР.

На Кильдине — ни электричества, ни порядочных книг, даже радио молчит.

Ветер пляшет от всех румбов — зима хозяйничает варварски. В темноте носится снег, стонет в заливе вода, где-то плачут косматые белые совы. Северное сияние золотит хаос.

Но в 9 часов утра во всех избах открываются двери, и четырнадцать ребяток бегут в школу, оглашая неприветливый воздух громкими криками. Десятилинейная „молния“ хитро подмигивает, ветер воет в трубе; согревая спину, у печки стоит учительница и рассказывает о... пятилетнем плане Наркомзема. И это звучит на Кильдине чудно, ведь, здесь, кроме мха, ничего не растет.

В один из злых зимних дней, когда пар мгновенно превращался в туман, а туман висел над городом стеной, в Мурманском порту повстречались семь рыбаков, семь неудачников, мало напромышлявших за лето. В тот день в порту им сказали:

— Не ждите, пароходов не будет.

Все семеро молча свернули цыгарки, один выругался, другой сплюнул, а Адольф Мериляйнен — фин, кандидат партии и капитан парусного бота „Прибой“ — сказал:

— Все-таки на биржу не пойду.

Неизвестно, кто первый внес предложение, были ли прения и как они протекали, — в тот день было принято решение: чтобы избавить семьи от голодной зимы, итти в море за треской.

Летом такое решение, конечно, никого не удивило бы, но зимой оно казалось большой дерзостью.

Никто не видел, как „Прибой“ под всеми шестью парусами пошел на север. В это время года в Мурманске вообще ничего не видно. Долго шли разговоры о дерзости прибойцев; гадали об их судьбе, туже набивали бездонные трубки и теплее укрывались оленьими шкурами на ночь.

„Прибой“ решительно боролся. Сначала туман преградил ему путь, укрыв берега, рифы и предательские скалы Сальникова острова. Отливом несло судно в неведомый белый мрак, скрывавший гибель. Якорная цепь — 150 метров — оказалась короткой.

Тогда с палубы бросили на воду круглую шлюпчонку „Пашку“. Только плеск удара о воду, а во мраке — ни шлюпки, ни воды. Адольф Мериляйнен долго висел на борту и щупал ногами пространство, пока не нащупал борт „Пашки“.

„Пашка“ впряглась в „Прибой“. Ухом, глазами в лепете струй, в аромате тумана, в густоте его хлопьев — ловил Мериляйнен признаки близкой гранитной опасности. И когда сомнений больше не оставалось, он подавал голосом знак, матросы нажимали на весла, „Пашка“ уходила в сторону, тяжело поворачивая непослушный нос „Прибоя“. До столкновения со скалой оставались секунды.

На смену туману пришел „шалонник — шаловливый“, ветер, по милости которого море покрывается обломками, а Собес ежегодно принимает на содержание десятки рыбачьих семейств. Безмоторное судно носило от одного скалистого берега к другому. Мериляйнен не спускался в кубрик трое суток. Беспрерывно рубили лед, выкачивали воду.

На четвертые сутки „Прибой“ бросил якорь в Екатерининской бухте, у северного города Александровска, где в 30 избах зимует 100 человек, где улицами служат ступенчатые скалы. Это было в конце первой недели плавания — сорок километров за семь дней.

Мериляйнен подсчитал продукты. Запасов оставалось на пять дней. А в трюме еще ни одной рыбины.

В кубрике, где круглая печушка боролась с жестоким морозом, состоялось собрание семерых членов артели „Прибой“ (они же команда парусного бота „Прибой“).

Если кому-нибудь придет в голову, что команда „Прибоя“ решила показать океану корму, он ошибется. Били себя кулаками в грудь, ругались и заявляли:

— Без рыбы не вернемся.

Екатерининская бухта понемногу замерзала. Пароходам тонкий лед не мешает. Но деревянному боту даже с этим льдом не справиться. Команда вооружилась топорами, баграми — работа закипела.

★

Кильдинские рыбаки раскуривали трубки и под музыку „низового ветра“ обдумывали перспективы весенней путины.

— Чей-то бот бедует на салме[1]! — крикнул Михей Чертовиков, тринадцатилетний крепыш, вбежав в квартиру председателя сельсовета.

Палыч напялил треух, вскочил на лыжи и скатился к берегу. В сером мраке то появлялся, то исчезал зеленый огонь. С ревом ветра доносилось немощное хрипение рожка.

Все население — пятнадцать мужчин, семнадцать женщин и девятнадцать ребят — собралось на берегу. Обсуждали, как помочь, но ничего придумать не могли. Единственное моторное судно на острове — пятисильный ботишко Михайлы Петровича Попова — ушел в становище Териберку.

Пока на берегу судачили, охали и вздыхали, зеленый огонь, описывая эллипсы и параболы, приблизился настолько, что старый островитянин Антонов узнал в стройных линиях силуэта бот „Прибой“.

— Что ему в море делать зимой?

Удивились, стали переглядываться, пожимать плечами, покашливать.

В бухте загремела цепь. Якорь остался далеко на „наволоке“.

А ночью задул западный ветер, и под утро „Прибой“ вылез на берег всей двухметровой осадкой. Беспомощно лег он набок, навалившись мачтой на крышу избы.

★

Циркуляры на острове Кильдине получаются, примерно, два раза в год — целыми мешками. План хлебозаготовок до сих пор не доведен до двора. Но дворы не на черноземе, не на суглинке, даже не на глине, а на промерзших скалах. До двора здесь доходят планы рыбозаготовок.

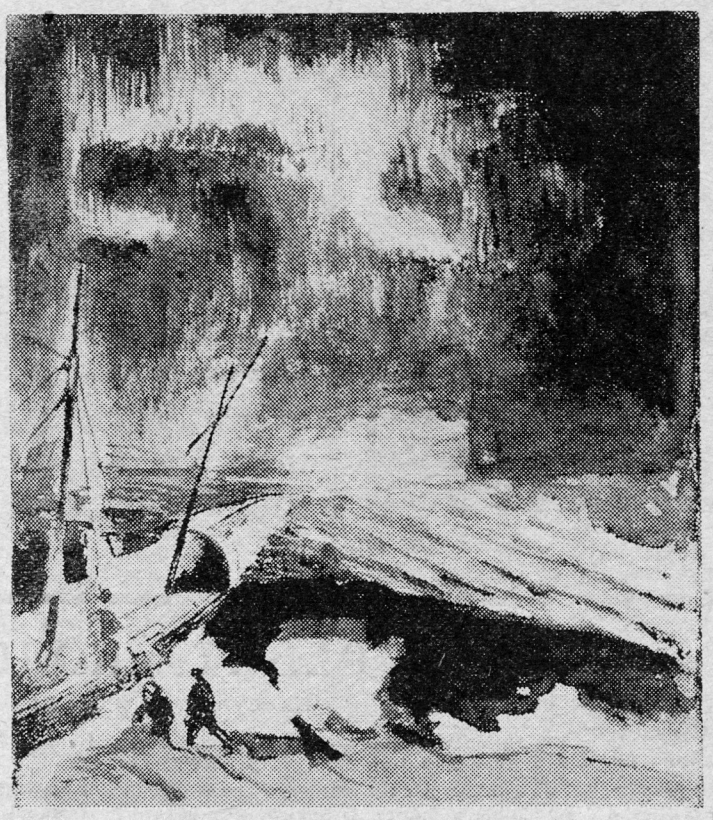
Первым вопросом повестки очередного общего собрания был вопрос о помощи команде бота „Прибой“.

В трюме „Прибоя“ попрежнему не было ни одной рыбины. В кубрике — ни одного кило муки. Печь топили обломками фальшборта, разбитого волнами.

На общем собрании говорилось о том, что раньше чем через двадцать три дня полной луны не будет, а до полной луны вода в заливе не поднимется.

— Спустить, стало быть, бот на воду невозможно.

Но Адольф Мериляйнен не стал дожидаться полной луны. Если они не уйдут, придется продать бот, чтобы возместить кильдинцам за провизию. Целые дни он думал над тем, как сняться. Выхода все равно нет, решил рискнуть.



Под утро „Прибой“ вылез на берег.

Следующее общее собрание островитян, состоявшееся через три дня, было посвящено двум вопросам:

1) о помощи команде „Прибоя“ и

2) о подписке на третий заем индустриализации.

Как это ни странно Мериляйнен подписался лично (в кредит, конечно) на двадцать пять рублей и для артели — на сто рублей. По первому вопросу споров не было. Единогласно решили объявить себя мобилизованными в помощь „Прибою“.

План Мериляйнена не был неожиданным, про себя каждый островитянин думал, что именно так и следует сняться, но советовать боялись, чтобы в случае неудачи не хлопать ушами.

Все население, даже школьники, собралось на берегу.

Старики стянули на воду карбас Палыча и погрузили на него большой якорь, оставленный факторией Севгосрыбтреста. Якорь завезли и бросили на середине залива, а концы передали на ручную лебедку „Прибоя“; потом на лебедке стали подтягивать бот к воде. Пока судно медленно ползло, катясь на кругляках, рыбаки удерживали киль, чтобы бот не упал на бок и не раздавил своих бортов.

Вместо „раз, раз, дернем“, на берегу раздалось:

— Вира... Вира...

Под это „вира“, казавшееся Мериляйнену изысканной симфонией, „Прибой“ сполз на воду, с размаху пробежал 2—3 метра и стал.

Никто не кричал „ура“, никто не бросал в воздух шапок, все стали вытирать пот, а Дмитрий Павлович Морозов — председатель сельсовета — сказал:

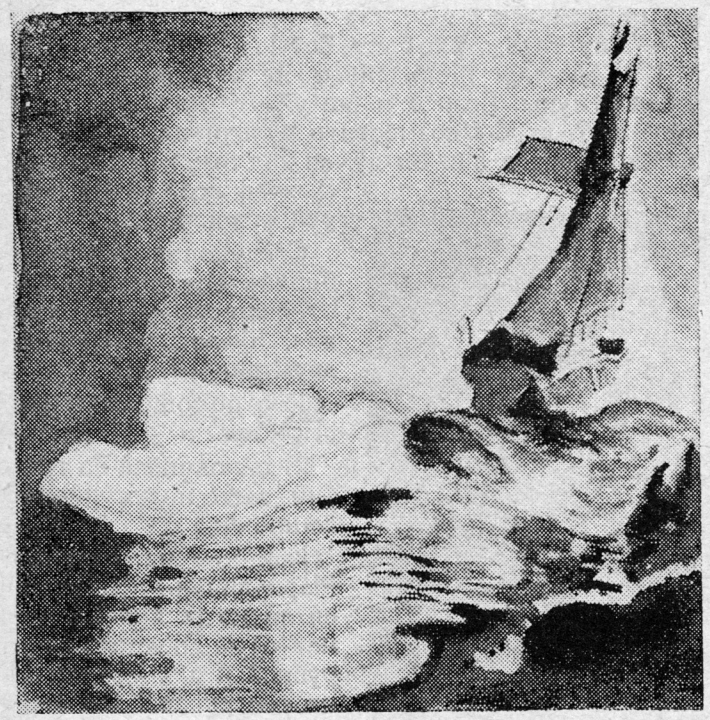
— Хорош...

В притихшем заливе два дня стучали молотки. Потом заскрипели блоки, заржала цепь. Важно

[1] В проливе.

выставив надутые паруса, „Прибой“ пошел к выходу в океан.

Повернув левым галсом, он скользнул мимо „Сундукова“ (мыс на Кильдине) не на юго-запад,



Он скользнул мимо „Сундукова“.

к Мурманску, а на восток — к Орловецкой бухте, где в затонах не переводится треска, куда с юга, на льдинах реки Териберка, мимо хмурого, дикого становища, жалуют тюлени.

Хорошая погода гостила недолго. На рифах ревет и пенится черная зыбь, тучи спустились на обледенелые горы; беспрестанно воет штормовая сирена,— прибойцы продолжают бороться.

Может быть, они борются и сейчас, но они победят, этому порукой их упорная коллективная воля к победе, их крепкая пролетарская спайка.

!

Как Амундсен стал Амундсеном...

Из Астрахани на помощь вышел ледокол...

„Ломоносова“ несет на камни...

Два дня с песнями шли промышленники по битому льду, неся на плечах лодки....

Тысяча экспедиций...

Об этом имеются сообщения в следующем „Почтовом ящике путешественника“.

ШКОЛЬНЫЕ НОВОСТИ

★ Одна из лучших школ Сталинграда — девятилетка им. Дарвина — превращена в школу-предприятие. Она будет готовить квалифицированных строителей. Союз строителей принял над школой шефство и заключил договор о соцсоревновании.

★ В колхозах и совхозах Донского округа, Сев. Кав. края, введено всеобщее обязательное обучение для ребят от 9 лет. Для переростков 12 — 15 лет открываются особые школы.

★ В СССР имеется две тысячи школ-семилеток, из них 400 — фабрично-заводские (ФЗС).

★ Деткомиссия при ВЦИК организует в районах сплошной коллективизации 31 мастерскую для 2 600 ребят, летние площадки на 5 600 ребят, три детских клуба и с.-х. коммуну для батрачат.

★ Созывается съезд работников ФЗС, на котором будет обсуждаться вопрос о переводе всех семилеток в ФЗС. Для этого необходимо организовать производство специальных машин, станков и другого оборудования.

★ Летом на Кавказе и в Крыму будут работать девять детских санаториев для ребят от 3 до 14 лет.

РЕБЯТА КОЛОНИИ

(Из журнала французских пионеров)

В АЛЖИРЕ, как и вообще в больших городах, многие туземцы не имеют крова и спят там, где находятся: на улице, в порту. С девяти лет ребята уже работают, и их эксплоатируют более, чем их родителей. Там имеются ребята—чистильщики сапог и носильщики. Они получают 6 су (су—$^1/_2$ коп.) за ношу, и часто переносят тяжести, и от 2 до 4 су (1—2 к.) за чистку пары сапог, когда вообще им платят, так как часто богатые буржуа заставляют их носить свою ношу и чистить ботинки и уходят не платя.

Некоторые из ребят нанимаются работать на фабриках или идут в услужение. Там они работают 12—14 часов в сутки, не смея отдохнуть ни минуты, и труд их также плохо оплачивается. Например, те, которые в ковровых мастерских делают ковры, продающиеся после так дорого, зарабатывают 2—3 франка (франк—8 коп.) в день. Маленькие девочки уходят в прислуги, в няньки к богачам и зарабатывают 30—40 франков в месяц.

Но все-таки не все же ребята работают, они идут, ведь, в школу,—думаете вы.

Тут даже буржуи не могут скрыть положения.

„Школ в Алжирской области крайне недостаточно, даже в городах. Только в Боне 4 000 детей, европейцев и туземцев, не могут быть приняты в школу. В деревнях отсутствие школ еще более дает себя чувствовать. До 500 тыс. детей туземцев лишены школы“, так заявляет Виолет, бывший генеральный правитель Алжира, который был назначен французскими империалистами „управлять“ Алжиром, т. е. подавлять, эксплоатировать туземцев.

Из 63 тыс. учащихся туземцев в 1927/28 г. (при 500 тыс. не принятых в школу) почти не было девочек, и после 100 лет „насаждения культуры“ в колонии там имеются только 22 школы для девочек-туземок.

Рисунок художкора Нигра.

РЕБЯТА под ЗАЩИТОЙ

Статья заведующего Детской юридической консультацией „Пионерской Правды“

НИ В ОДНОЙ даже самой передовой капиталистической стране нет такого законодательства о детях, как у нас в Советском Союзе. Мы смело можем гордиться законами, которые Октябрьская революция принесла ребятам.

Закон категорически обязывает родителей заботиться о детях, о подготовке их к общественно-полезной деятельности (ст. 41 Кодекса законов о браке, семье и опеке).

Но часто законы остаются на бумаге.

Можно привести много примеров из работы судов и коллегий по защите детей при РОНО.

Юрий Любимов, 10 лет, жалуется:

— Отец женат третий раз. При последней маме меня били. Сплю в ванне, подстилаю пальто. Подушки нет.

Утром отец встанет с постели пихнет ногой... Дадут стакан чаю и говорят:

— Проваливай на все четыре стороны...— Обедать не давали. В школу не ходил, был голодный...

Коллегия по защите прав при Краснопресненском РОНО, где дело разбиралось 24 января, постановила: изъять Юрия Любимова от отца и передать в детдом, обязав отца платить на содержание ребенка по 20 рублей в месяц.

Лида Жуликова, 14 лет:

— Отец бьет меня ремнем, выгоняет ночью на улицу, чтобы домой не возвращалась... Не кормит...

Краснопресненский суд приговорил отца к двум месяцам принудительных работ, лишив его родительских прав, а девочку передал на воспитание гр. Ивановой.

Родители, которые избивают детей, не заботятся о них, лишаются своих прав по суду (ст. 33 Кодекса законов о браке, семье и опеке).

В детскую консультацию при „Пионерской Правде“ приходят сами ребята с жалобами на своих родителей.

Часто приходят пионеры из отрядов, сообщают, что бьют товарища, и просят его защитить.

Пионер Чувакин (база коммунальников):—Защитите моего товарища — Колю Наумова. Даже кошмарно вспомнить, как он живет! Мачеха отделила его от всей семьи. Избивает невероятно, чем попало! Кормит очень плохо: дает остатки супа, разбавленного водой. Коля находится в таком тупике, что можно с ума сойти!

С февраля 1930 г. в Московской области обществом „Друг Детей“ проводится кампания под лозунгом: „Долой битье и наказание ребят“.

Факты, собранные по одной Москве, говорят, что ребят избивают самым жестоким образом. В 36-й школе Бауманского района из 600 опрошенных учащихся 520 избиваются, причем 210 из этого числа избиваются жестоко. Ребят привязывают к кровати, запирают в уборной. Бьют и ремнем, плеткой и веревкой и веником!

На 13-м году после Октября приходится говорить, что надо похоронить кнут и ремень. Это позор!

Чем объяснить, что у нас до сих пор еще бьют ребят?

Это происходит потому, что порка и битье применялись веками. Большинство наших родителей до сих пор думают, что бить — это значит „учить“.

Церковь благословляла битье, требуя послушания и смирения: „Чти отца и матерь свою“.

В Пролетарском районе на собрании вагоностроительного завода рабочий Смирнов снял с себя ремень и сказал:

— Этим ремнем я избивал своего ребенка и даю слово никогда больше этого не делать. Я вызываю других рабочих на соцсоревнование.

На заводе „Каучук“ состоялся показательный процес над рабочим Волковым, избившим своего сына Николая 15 лет. Большинство рабочих, выступавших на собрании, заявляли:

— Пора отказаться от ремня. Какая от него польза! Только врага себе наживешь!

Сами ребята живо откликнулись на призыв общества „Друг Детей“. 27 февраля Краснопресненский район созвал первую детскую конференцию. Ребята приводили много примеров, как их в семье избивают, и предлагали ряд мер для борьбы с этим.

Мы требуем: руки прочь от наших товарищей!

ЗОЛОТОЕ ДЕТСТВО

Статья Н. АНИЗАХ

Есть такие удивительно аккуратные и удачливые сироты и бродяги в детской иностранной литературе: спят они под открытым небом, шатаются по дорогам, голодают, холодают, но всегда у них рубаха белая, куртка целая, штаны не протираются и никогда — уж поверьте — не украдут они с прилавка куска хлеба.

Попадет бродяжка в странствующий цирк — и полюбит его дряхлый актер, пьяница и забулдыга, в котором вид чистюли-мальчика вызовет воспоминания детства... Побатрачит он на ферме и станет своим человеком в семье добродетельного и чадолюбивого фермера. Обвинят его люди в каком-нибудь преступлении, но старый судья, очарованный открытым взглядом и мужеством мальчика, уверует в его невинность, оправдает, обласкает да еще даст ему на дорогу десяток пирожков.

В любом городе, в любой деревне найдет этот чистенький мальчик покровителей,— добродетель всегда торжествует... А под конец книги мы получим разгадку его необычайной удачливости и порядочности. Мальчик-то был не простой бродяга, батрак, сирота. Случайно попал он в такое тяжкое положение, а место ему на самой вершине буржуазного общества -- он граф, лорд, баронет, случайно потерянный в детстве рассеянной матерью или выкраденный еще в пеленках из родного дома беспутным дядей, позарившимся на наследственное поместье. Злые козни разрушены, суровая жизненная школа пройдена с честью — не воровал, не ходил в лохмотьях, как другие дети-бродяги, в жилах которых не течет голубая дворянская кровь. Теперь юному баронету остается только заняться благотворительностью и одарить всех людей, помогавших ему в годы бедствий.

Награда добродетельному беспризорному в конце книги обязательна. Иногда это баронетский титул и наследство, как в пошлейшей книге Гектора Мало „Без семьи“, которую и сейчас читают советские ребята, иногда усыновление в буржуазной семье или определение в хорошую школу — пансионат.

А ну-ка вылущим мораль из этих книг, которые преподносятся на Западе подрастающему поколению. Она не сложна: смирись, терпи, батрачь, но уважай и люби хозяина, за это получишь награду... Главное не всматривайся в то, что вокруг тебя происходит, не возмущайся и не вмешивайся в дела взрослых.

По буржуазной заповеди ребятам полагается „золотое детство“. Про другое детство в книгах, специально предназначенных для ребят, не пишут. Не следует омрачать юные головы рассказами о труде, о борьбе и о прочих серьезных делах. Даже сентиментальные истории о бездомных сиротах в детской буржуазной литературе кончаются необычайно благополучно.

Каждая такая книга — это колыбельная песенька: спи, голубчик, и пусть тебе снится, что ты баронет...

А мальчишка Гаврош -- лукавый беспризорник времен Великой французской революции, отзывчивый и буйный, как парижская улица в те славные дни, распевал шальные песни на баррикадах, на каждое слово отвечал задорной шуткой и не пожелал оставаться в стороне от жизни, как паиньки из детских книг. Место Гавроша было там, где пахло порохом. Он был лазутчиком, он был товарищем, он подкатывал бочки и тачки, когда строили баррикады. Одна была у него мечта — достать оружие, и на его долю достался заржавленный пистолет без курка.

Всюду, где собирался восставший народ, вертелись маленькие Гавроши, но возле правительственных войск их не было. Гаврошей было много, но об одном из них нам рассказал Виктор Гюго. Лучшие страницы романа „Отверженные“ посвящены маленькому парижскому революционеру — оборванцу и буяну Гаврошу.

Бродяжка Гектора Мало и ему подобные получат в награду за смирение и благоразумие — эти-то, конечно, не полезут на баррикады!— деньги, поместья и т. д., а Гаврош за то, что он знал, где его друзья, где враги,— две свинцовых пули в лоб, но Гаврош умрет с песней и с шуткой на губах, и все запомнять его имя и его образ.

Во всех французских революциях гибли вместе со своими отцами дети рабочих и беспризорные Гавроши. Усмиритель Тьер, расстреливая коммунаров, не щадил ребят, а буржуазия лицемерно проповедует, что „золотое детство“ должно быть бездумным и аполитичным. Вот куда гнет европейская детская литература.

Итальянские школьники Д'Амичис и норвежские мальчики Свены, которые трудным путем в какой-то идеальной школе добывают звание первых учеников, маленькие лорды и маленькие миллионеры, бродяжки Гектора Мало и даже веселый Том Сойер — это армия образцовых, с буржуазной точки зрения, ребят. Подростки, подобные этим литературным героям, шагают по улицам западных городов в бойскаутских отрядах.

А какова эта аполитичность, вы можете узнать, прочтя книгу Иркутова „В классе был шум“ из жизни американской школы.

Бойскаут Рой напоминает вам героев детской западной литературы. Это образцовый школьник, складный и красивый спортсмен. Какой-нибудь наивный Мало наградил бы Роя за благоразумие наследственным поместьем и всеобщим уважением, но американская буржуазия иначе одаряет своих талантливых питомцов: Рой переведен в лучшую школу, он получит образование, словом, выбьется в люди“. Но товарищи по школе наградят его по-своему — именем штрейкбрехера, самой страшной кличкой в устах рабочего.

И не отдельные мальчики-революционеры, Гавроши Французской революции, будут бороться против организованных в бойскаутские отряды Роев, а коллектив пролетарских школьников и малолетних рабочих, чей труд эксплоатируется буржуазией.

А в росказни о золотом детстве не верьте. Золотое детство — для детей буржуазии.

„Золотое детство“ трех миллионов американских ребят проходит в тяжелом труде. Ребята работают по 10—12 часов в день

Тысячи ребят вместе со взрослыми работают во время каникул в устричной промышленности. Руки ребят покрыты ранами от острых концов раковин.

ФАБРИКА НА СТОЛЕ

ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ ЦЕХ

ЭЛЕКТРОНАГРЕВАТЕЛИ

СЕГОДНЯ мы с вами познакомимся с тепловым действием электрического тока. Достоинства электронагревателей — чистота, простота пользования ими, безопасность.

На первом чертеже показана современная электрическая плита. Иногда делают простой нагревательный прибор: в сосуд, наполненный водой, опущена электрическая лампочка, которая и нагревает воду. Но такие нагревательные приборы очень опасны, и делать их не следует.

Электрический кипятильник (кастрюля). Возьмем две непаяные металлические кружки (или даже настоящие кастрюли) такого размера, чтобы одна входила в другую и расстояние между кружками было бы равно одному *см*. Меньшую кружку обернем толстым слоем асбестового картона. На асбест намотаем обмотку из голой проволоки с большим сопротивлением. У нас нет еще достаточных знаний, чтобы подсчитать требуемое количество проволоки для изготовления электронагревателя. Подберем требуемую длину проволоки опытным путем. Возьмем проволоку самую доступную и дешевую — железную, толщиной в 0,3 — 0,5 *мм*. Но было бы лучше, если бы взять специальную проволоку, называемую никелиновой. Такой проволоки нужно меньше.

15 метров железной проволоки (никелиновой 10 метров) намотаем туго с расстоянием между витками в 1 *мм* на меньшую кружку. Длину проволоки подберем так, чтобы ее сопротивление не оказалось слишком малым (малая длина), при котором сгорала бы проволока. Если же сопротивление слишком велико (большая длина), то проволока не накалится до нужной температуры и прибор долго не доведет воду до кипения. Мы намотаем 15 метров железной проволоки и посмотрим, будет ли она сгорать или только накаливаться докрасна, когда через обмотку пропущен ток от городской осветительной сети с напряжением в 120 вольт. Запомним, что все переносные электрические приборы (электронагреватели, настольные лампы и т. д.) в сеть можно включать только через штепсель с предохранителями. Если при пробе проволока сгорает, то увеличим ее длину. Если же проволока не накаляется докрасна, то уменьшим ее длину настолько, чтобы проходящий по проволоке ток накалял бы ее докрасна.

Если мы оставим обмотку не покрытой изолирующей массой, то проволока быстро сгорит и заржавеет. Покроем нашу обмотку изолирующей массой, приготовляемой из мелкого, хорошо промытого речного песка или толченого стекла, растертого до густоты теста фуксовым (растворимым) стеклом. Массу нужно приготовить перед самым употреблением. Всю обмотку покроем равномерным слоем, толщиной в 3 *мм*, изоляционной массой. Изоляционному слою дадим отвердеть и поставим в теплую печь на одни сутки.

Меньшую кружку с обмоткой и покрытой изолирующей массой вставим в большую кружку (чертеж 1), концы обмотки выведем через боковые стенки большей кружки наружу. Провода ни в коем случае не должны касаться стенок кружки; в местах прохода проводов вставим фарфоровые втулочки или стеклянные трубочки. К обмотке кипятильника припаяем гибкий изолированный шнур с вилкой. Проволоки между собой должны быть спаяны как раз во втулках. Пространство между кружками зальем жидкоразведенным гипсом. Сверху на высоте верхнего края наружной кружки положим кружок — крышку, которую и припаяем к обеим кружкам. Кастрюлю можно включать в сеть только тогда, когда она наполнена водой.

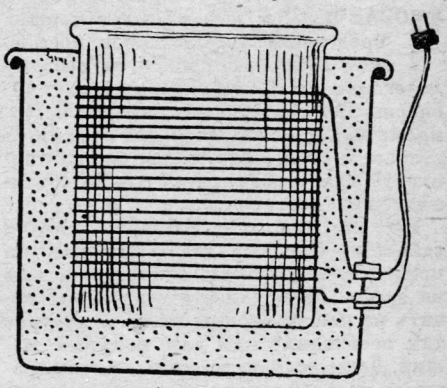
Изготовим и плиту для нагревания стоящих на ней сосудов с жидкостями и т. п.

Устройство электрической плиты видно из чертежа 4. Железный лист, размером 20×10 *см*, обмотаем асбестом. На асбест намотаем голую (как выше) проволоку, которую тоже покроем изолирующей массой. На лист железа (кровельного), размером 22×12 *см*, имеющего 6 отверстий (нам нужно два таких листа), положим точно такого же размера лист асбестового картона, на который и уложим нагревающую плитку с обмоткой так, чтобы везде были одинаковые поля (чертеж 3). На эти свободные поля положим полоски асбестового картона, которые закрыли бы нагревающую часть плиты. Затем наложим еще тонкий слой азбестового картона. Поверх него наложим железный лист с отверстиями, которые должны точно совпадать с отверстиями нижнего листа. Через отверстия пропускаются болты с гайками, которые и скрепляют прочно плиту в одно целое. Плиту поставим на ножки, сделанные из фарфоровых роликов. На чертеже 2 ясно видно, как болтами прикреплены ножки к плите.

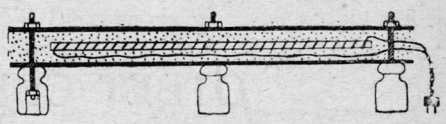
Для обогревания комнаты электрическую печь сделаем так. На круглую металлическую банку, обернутую асбестом, намотаем голую проволоку с большим сопротивлением, по которой и пропустим ток. Устройство такой печи и видно из чертежа 4. Чтобы не обжечь рук раскаленной проволокой, заключим печь в кожух из железа с отверстиями (фотогр. 5).

ЧТО ЧИТАТЬ

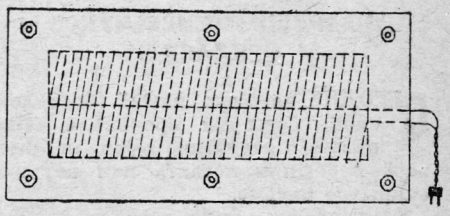
„Электрические нагреватели“, серия „Для умелых рук“, ц. 45 коп.



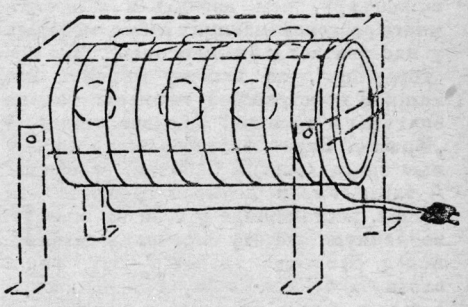
Черт. 1.



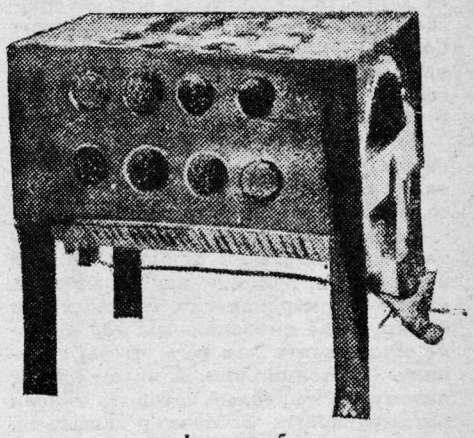
Черт. 2.



Черт. 3.



Черт. 4.



Фотогр. 5.

ПЛОХОЕ ПИСЬМО И ХОРОШИЙ ОТВЕТ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ „ПИОНЕРА“

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ РЕДАКТОР!

ПОЗАВЧЕРА к нам в школу пришел представитель райбюро и предложил собирать деньги на поездку делегации на Международный слет пионеров. Все голосовали за сбор средств, кроме нас двоих. Теперь про нас пишут статью в стенгазету, а мы решили написать вам в редакцию, чтобы объяснить наш поступок.

Мы считаем, что собирать деньги сейчас на посылку делегации или на приезд какой-нибудь делегации к нам не время. Ведь для этого нужно вывозить из нашей страны золото, которое так необходимо нам для покупки машин. Даже если не машины, а мануфактуру привезти из-за границы, и то это будет полезнее, чем вывозить и ввозить много разговаривающих ребят. Так мы думаем. Машины и мануфактура нам нужны—это всякий знает, все видят очереди у магазинов, а краснобаев, болтающих о международном положении, и у нас, и за границей хватает без карточек. Много ли мы видим пользы от этих конгрессов? Ребятам за границей живется хорошо, всего у них вдоволь, и они только для забавы занимаются такими делами, как международная солидарность.

Было время, когда мы сами верили в эту солидарность—мы достали адрес в Международном детбюро и три письма отправили с просьбой прислать нам заграничный фотоаппарат для кружка, ведь, он там ерунду стоит (во всяком случае меньше, чем мы переплатили во всякие МОПР'ы). А они нам в ответ не прислали ни строчки. Это, конечно, мелочь и не это главное, но мы просто считаем, что им до нас мало дела да и нам они не особенно нужны, значит лучше не посылать туда денег, не отправлять делегаций, а все свободные деньги тратить на необходимые для нашего строительства предметы.

Лучше послать инженера на практику, чтобы наладить производство (например, бумаги—видите, на чем мы пишем?), чем собирать советские гроши на отправку компании трепачей.

Мих. Семеньчуков
Лев Фридлянд

Учащиеся IV группы 8-й советской трудовой школы.

ОТВЕТ СВЕРДЛОВСКОЙ БАЗЫ ПИОНЕРОВ

22 марта 1930 г.

„ТОВАРИЩИ“ СЕМЕНЬЧУКОВ и ФРИДЛЯНД!

СЕГОДНЯ на сборе нашей (Свердловской) базы мы прочитали ваше письмо в редакцию журнала „Пионер“ и решили послать вам вот это открытое письмо.

Вы считаете, что „гораздо важнее привезти из-за границы машины и мануфактуру, чем ввозить и вывозить много разговаривающих ребят, которых у нас хватает и без карточек“. Что же, „товарищи“, по вашему мнению, все наши и иностранные пионеры только болтуны и трепачи? А разве пионеры „Красной Зари“, завербовавшие в ударные бригады сотни рабочих,—трепачи? А бакинские и днепропетровские пионеры, поставившие у себя на непревзойденную высоту производственный поход, они тоже трепачи? Нет, ваши слова—ложь! Мы, пионеры Свердловской базы, в ответ на ваше выступление объявляем себя ударниками и обязуемся доказать (конечно, не вам) пионерской и ученической массе Советского Союза, комсомолу и партии, что пионеры не трепачи, а будущие строители социализма, уже сейчас помогающие стройке.

По вашему мнению, заграничные пионеры только для забавы занимаются такими делами, как „международная солидарность“.

Вы немного, наверное, изучали историю гражданской войны и, по всей вероятности, помните, как английские, японские, американские, германские и французские империалисты трогательно объединялись для того, чтобы задушить Советский Союз. А знаете ли вы, почему им не удалось затопить в крови революционных рабочих и крестьян, наше первое в мире социалистическое государство?

Да вот из-за этой самой солидарности, которую вы ставите в кавычках. В то время, как империалисты посылали на нас свои войска, рабочие стран, находящихся под гнетом капитала, отказывались работать на армию и на самих капиталистов, матросы отказывались перевозить военные материалы в оккупационные войска, железнодорожники портили паровозы, взрывали поезда с нарядами, солдаты отказывались воевать, моряки черноморского военного флота Франции подняли восстание, когда их послали воевать с русскими рабочими и крестьянами. Этим восстанием руководил Андре Марти, один из вождей французской компартии.

Что же это, по вашему, как не международная солидарность?

Сейчас рабочие, а вместе с ними и пионеры и комсомольцы на собранные последние гроши посылают в СССР тракторные колонны.

Когда папа Римский объявил „крестовый поход“ против Советского Союза, рабочие капиталистических государств одним фронтом выступили против папы.

Вот это-то и есть международная солидарность без кавычек.

Вы пишете, что „ребятам за границей живется хорошо, всего у них вдоволь и они только для забавы занимаются такими делами, как „международная солидарность“. Пожалуй, вы отчасти правы. Да, деткам буржуа, помещиков, фашистов, в роде Муссолини, Массарика, Пилсудского, социал-предателей, в роде Грина, Носке, Цергибеля,— да, этим деткам живется хорошо, и для них международная солидарность (если бы она у них была) была бы забавой.

Ну, а знаете ли вы, „товарищи“, что детям рабочих приходится жить на улице, питаться отбросами, ходить полуголыми не потому, что такова мода, а потому, что им нечего одеть.

Вы пишете, что трепачей у нас хватает и без карточек. Если у нас в советской школе и есть трепачи, так это вы, Мих. Семеньчуков и Лев Фридлянд. Это вы отчаянно треплетесь о том, чего сами не понимаете.

Вы пишете о международной солидарности в кавычках. А знаете ли вы, что такое международная солидарность в кавычках?

Международная солидарность в кавычках — это ваши письма иностранным пионерам. Вы пишете, что сами когда-то верили в нее и, взяв адрес в международном детбюро, послали три письма с просьбой выслать вам заграничный фотоаппарат, который, по вашему мнению, стоит там гроши, „во всяком случае меньше, чем мы переплатили во всякие МОПР'ы“. И это по-вашему — международная солидарность? По нашему мнению — это совсем другое. Недавно на конференции пионеров центрального подрайона Красной Пресни был задан вопрос: „Кто такие рвачи“. И сейчас мы даем ответ. Рвачи — это вы! Это вы, пытавшиеся заниматься рвачеством под маркой „международной солидарности“.

Знаете ли вы, что у иностранных пионеров нехватает денег на то, чтобы поесть, на то, чтобы издавать свои журналы, а не то что на покупку фотоаппарата для группы рвачей, именующих себя советскими школьниками.

Если вы не откажетесь от своего мнения, если вы не желаете понять свою ошибку и честно созваться в ней, вам не место в советской школе. Ваше письмо мы квалифицируем как очередную вылазку рвачей и классового врага в нашей советской школе. Мы считаем, что ваши товарищи, ограничивающиеся только помещением заметки в стенгазете, подошли к этому делу мягкотело, не по-пионерски. Они должны были потребовать от вас признания ваших ошибок.

Мы надеемся, что ваши товарищи в ответ на ваше выступление примут активное участие в подготовке Международного слета, в помощи производству и работе в деревне.

Мы надеемся, что они исправят свою ошибку и дадут должный ответ на ваше выступление.

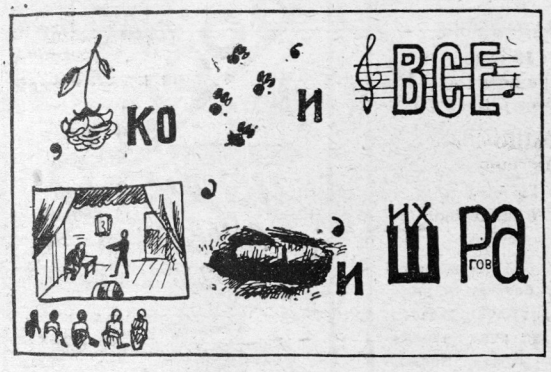
По поручению общего сбора Свердловской базы ЮП Красной Пресни.

Кузнецов

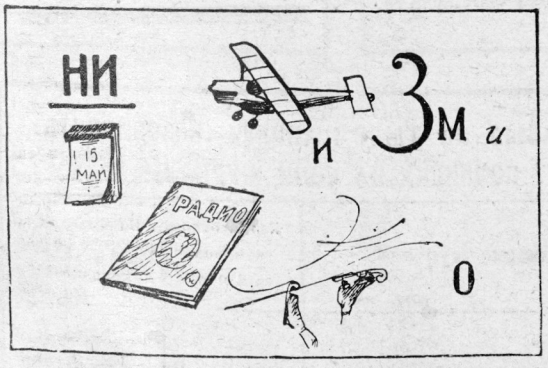
УГАДАЙ

РЕБУС № 1.

РЕБУС № 2.



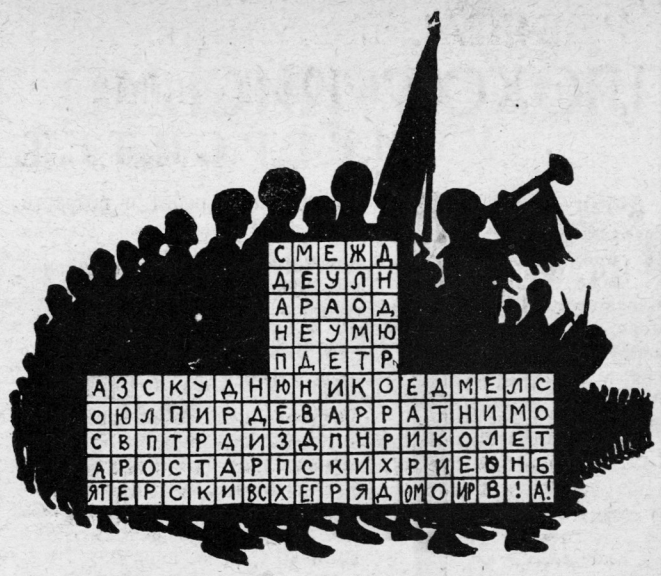
РЕБУС № 3.



ЗАДАЧА № 1.

Что написано на плакате? Известно, что каждый знак усложняет решение в четыре раза.

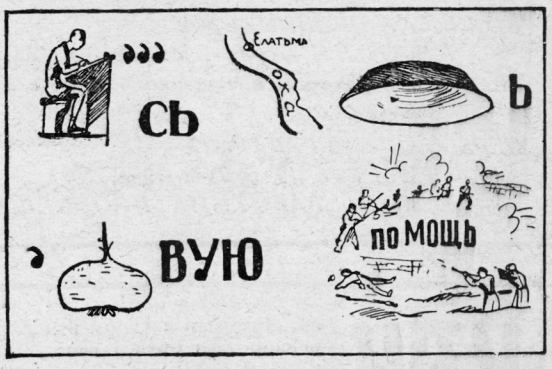
ЗАДАЧА № 2.



Зачеркните в этой фигуре 50 клеток так, чтобы получилась юбилейная дата. По незачеркнутым клеткам прочтем лозунг.

Если зачеркнуть 65 клеток, то из незачеркнутых клеток получится та же дата, но другой лозунг.

РЕБУС № 4.



РЕБУС № 5.

ОТВЕТЫ НА РЕБУСЫ В № 5 „ПИОНЕРА"

Из-у-чай ст-рой, си-г-на ли-за-ци-ю, топо-графи-ю. (Изучай строй, сигнализацию, топографию.)

Боро ться за-раб-оч-ее дело буд-ь гото-в. (Бороться за рабочее дело будь готов.)

Обу-чай-ся в стрелк-о-в-ых кружк-ах, из-у-чай прави-ла хим-о-борон-ы. (Обучайся в стрелковых кружках, изучай правила химобороны.)

Редколлегия — СтАт А 4—210×297 мм. — Ответств. редактор И. Разин

Главлит № А—64.782. Отпеч. в 7-й тип. «Искра Революции» Мосполиграфа, Москва, Арбат, Филипп., 13. З. Т. 1.220.

РЕБЯТА!.. ПОСТУПАЙТЕ В ДЕТСКИЙ ЗАОЧНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВСЕ можно узнать,

ВСЕ можно понять.

ВСЕМУ можно научиться, если подписаться на **ДЗУ**

Подробный проспект высылается бесплатно.

Рассчитан на ребят в возрасте от **10** до **16** лет.

Дает им коммунистическое понимание окружающей жизни и ее явлений.

Состоит из **РАБФАКА**, ц. 45 к. и 4 **ФАКУЛЬТЕТОВ**:

Общественно - образовательного — 12 курсов, цена 5 р. 40 к.; **строительно - технического** — 9 курсов, цена 4 р; **сельскохозяйственного** 5 курсов, цена 2 р., подготовки **детского актива** — 6 курсов, цена 2 р. 70 к.

Цена отдельного курса **45** коп. Подписаться можно на отдельн. курс, на факультет или полный университет (цена 14 р. 50 к.)

При ДЗУ имеется **ЗАОЧНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

в ОППИ изд-ва — Москва, ул. Герцена, 10, в отделениях и магазинах изд-ва и у письмоносцев.

ПЕРЕВОДЫ НАПРАВЛЯЙТЕ:

Москва, 19, Вздвиженка, 10.

Изд во „РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“.

УЧИТЕСЬ САМИ

ИГРАТЬ С ПОМОЩЬЮ САМОУЧИТЕЛЕЙ ПО НОТНОЙ ИЛИ ЦИФРОВОЙ СИСТЕМЕ:

НА ГАРМОНИКЕ

Самоуч. **Сергеева и Голубева** для венск. двухр., русс. или немецк. строя, 21 кл., 12 бас., с приложением 20 пьес Ц. 1 р.

НА БАЛАЛАЙКЕ

Самоучитель **Илюхина.** Ц. 1 р.

Ильин А.—Самоуч. (только по цифр. сист.). Ц. 50 к.

НА МАНДОЛИНЕ

Самоуч. **Петрова.** Ц. 1 р.

НА ГИТАРЕ

Самоуч. **Успенского.** Ц. 1 р. 50 к.

Заказы до 5 руб. высылаются налож. плат. без задатка; свыше 5 р. — по получ. задатка. **Пересылка за счет заказчика Москва**, Центр, Неглинная, 14/42.

МУЗСЕКТОРУ ГОСИЗДАТА.

НОТЫ

ПОЧТОЙ

любые немедленно высылает наложенн. платежом

МУЗСЕКТОР ГОСИЗДАТА

Москва, Неглинная, 14/42.

КАТАЛОГИ: фортепиан., рокальн., больш. духов. орк., струнн., мас. художк. латер. книг по музыке.

ТРЕБУЙТЕ БЕСПЛАТНО

Тираж Северо-Кавказской пионерской газеты Ленинские внучата

перевалил за 100000

Высокий тираж обеспечивает успех объявлений

Заказы и деньги направляйте Ростов н/Д Издательству „Ленинские внучата“ или сдавайте в рекламное бюро Огонек Москва, Страстной б. 11

КАК

организовать детвору в колхозе...
внешне оформить лагерь...
этот лагерь торжественно открыть...
провести первый костер...
по-затейному проводить сбор...
оборудовать сцену в лагере и на площадке...

КАКИЕ

пьесы, инсценировки, сценки ввести в колхоз, в лагерь..
песни, частушки, загадки распевать в лагере...
игры, пляски, фокусы показывать колхозным ребятам...

И, наконец, всегда ли слушаться старших.

Вы готовитесь уезжать в лагерь, и вас волнуют эти вопросы. Запомните, что № 5 „ЗАТЕЙНИКА“ (майский) полностью посвящен этим вопросам — вопросам затейной работы в колхозах и пионерских лагерях.

Номер выпуск. специальн. тираж и выходит в конце апреля.

Отряды
Школы
Детдома
Клубы
Площадки
Кружки

ВСЕ

должны иметь у себя на руках этот номер. Он необходим при подготовке в летней лагерной работе.

Цена номера — 30 коп.

Спешите с коллективными заявками. Направляйте заявки и деньги по адресу: Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 6, Изд-во „Молодая Гвардия“ и во все отдел. изд-ва.

Продолжается подписка на 1930 г. Подписная плата: на 9 мес. (с апреля до конца года)—2 р. 55 к., 6 мес.—1 р. 70 к., 3 мес.—85 к. Подписку сдавайте по вышеуказанному адресу.

НЕ ЗАБЫЛ ЛИ ТЫ С 1 АПРЕЛЯ ВОЗОБНОВИТЬ ПОДПИСКУ НА СВОИ ЖУРНАЛЫ:

Название журнала	Количество номеров за 9 мес.	Подписная плата на 9 мес. (с 1 апреля до конца года)
„Пионер“	—	2—45
„ПИОНЕР“ с приложением ежемесячн. сборников „Вторая Ступень“	27	6—65
„Знание—Сила“	9	2—00
„Юный Натуралист“ (переименовывается в „Юный Колхозник“)	9	2—55
„Затейник“	9	2—75
„На суше и на море“	18	2—45
„Вожатый“	27	3—55
„Деревенский Вожатый“	9	—85

Срочно подпишись во избежание перерыва в получении журналов

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 6, Изд-во ЦК и МК ВЛКСМ „Молодая Гвардия“, во всех отделениях изд-ва и повсеместно на почте.